

ЦЕНТР ИНФОРМАЦИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БРОНЗОВЫЙ СОЛДАТ

АПРЕЛЬСКИЙ КРИЗИС

ТАЛЛИН, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	57
ВОЙНА ПАМЯТНИКОВ: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР	60
АПРЕЛЬСКИЕ БЕСПОРЯДКИ В ТАЛЛИНЕ: ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ . .	75
Часть I. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ	75
Часть II. ОБЗОР ЖАЛОБ НА ДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	81
ПОСЛЕСЛОВИЕ	94
ПРИЛОЖЕНИЕ I	95
ПРИЛОЖЕНИЕ II101

ПРЕДИСЛОВИЕ

Апрельские события вокруг «Бронзового солдата», несомненно, навсегда вошли в историю эстонского государства. Они останутся как некая «точка бифуркации», поворотный пункт, когда история делится на «до того» и «после того». Эти события имели для общества большее значение, чем даже вступление в НАТО или в Европейский Союз. До апреля 2007 г. мы жили в одной стране, а теперь начинаем привыкать жить в другой. Или это были иллюзии и, как написал политолог Евгений Голиков, «мир не изменился, он просто приоткрыл свое лицо»? (*«Таллинн»*, № 2-3, 2007 г.).

До 26 апреля 2007 г. мы все, все эстонское общество, полагали, что живем в демократической стране, где есть разделение властей, где исполнительная и законодательная власти, в общем, сбалансированы, существует независимое судопроизводство, свободная пресса, контроль общества над властями, особенно силовыми структурами, и т. д., и т. п. После 26 апреля оказалось, что не всё так, или не совсем так, а в некоторых случаях даже и совсем не так. Оказалось, что какие-то механизмы, считающиеся укорененными в демократическом обществе, не сработали, а от каких-то процедур с легкостью отказались. Вот одна из иллюстраций: по представлению префекта полиции все уличные митинги и собрания в Таллине были запрещены с 30 апреля по 11 мая 2007 г., и это не вызвало ни протестов, ни даже вопросов. А ведь тем самым были *ограничены конституционные права* на выражение своего мнения, право на мирные собрания, митинги и шествия. Разумеется, в исключительных случаях такое ограничение основных прав человека возможно, но ведь это явно не дело полицейского префекта. А высшие власти страны совершенно не озаботились таким вторжением в сферу своих прерогатив, допустив (или создав) тем самым опасный прецедент.

Настоящая публикация не преследует цели дать всеобъемлющий анализ ситуации. Мы как правозащитная организация представляем правовые, юридические аспекты ситуации, при этом далеко не все, но которыми Центр информации по правам человека занимался непосредственно. Прежде всего, это анализ поведения властей и действий полиции в возникшей кризисной ситуации. Мы также посчитали нужным привести краткий хронологический обзор событий, чтобы читатели имели более полное представление об общественно-политическом контексте произошедшего. Судебный процесс в отношении лиц, обвиняемых в организации массовых беспорядков, еще предстоит, и до его завершения мы считаем преждевременным делать какие-либо серьезные выводы. Можем лишь отметить, что позиция обвинения представляется нам довольно шаткой.

С точки зрения обеспечения прав человека весьма опасной и не соответствующей стандартам государства – члена Европейского Союза является ситуация, когда эстонские власти отказываются тщательно и беспристрастно расследовать заявления граждан о жестокости поведения полиции. Тем самым власти проигнорировали призывы международной правозащитной общественности, например, Международной хельсинкской федерации по правам человека – ИНФ и Международной федерации по правам человека – FIDH (см. приложение II). Такой отказ от расследований и разбирательств не дает возможности силовым ведомствам провести «работу над ошибками»; это также усложняет и сводит на нет возможности для контроля гражданского общества над деятельностью правоохранительных органов. Наконец, это в свою очередь оборачивается нарушением одного из основных прав человека – права на доступ к правосудию.

Можно было бы полагать, что нарушения прав человека, отмеченные в настоящем отчете, являются *ошибками* отдельных официальных лиц (министров, руководителей и рядовых сотрудников полиции, наконец, судей), а нежелание проводить расследование – желанием защитить «честь мундира». Но весь ход событий, приведший к апрельскому кризису, порождает у непредвзятых наблюдателей целый ряд вопросов, на которые нет явного ответа. В первую очередь это относится к механизму и способу принятия решений в демократическом обществе.

Становление и развитие демократических институтов в Эстонской Республике было относительно мирным, но это не значит бесконфликтным. Случались и кризисы, причем по более серьезным причинам, нежели в данном случае. Но до сих пор всегда удавалось избежать массового насилия. Казалось, и не без оснований, что в отношениях между государством и обществом, между группами меньшинств и властью выработалась определенная культура диалога и компромисса, умение не доводить дело до крайностей и идти на взаимные уступки (хотя бы в самый последний момент). Для обеспечения диалога с представителями национальных меньшинств был создан даже специальный механизм – «Круглый стол» по делам национальных меньшинств при президенте ЭР, на который эстонские власти регулярно ссылаются в правительственных отчетах для международных институтов. Однако ни премьер А. Ансип, ни президент Т. Х. Ильвес не сочли нужным обсудить возникшую проблему на «Круглом столе» (кстати, при нынешнем президенте «Круглый стол» ни разу не собирался).

Организация защитников памятника «Ночной дозор» вместе с некоторыми другими общественными объединениями несколько раз в течение 2006–2007 гг. самостоятельно пыталась организовать обсуждение и представить свое видение ситуации. Никто из официальных лиц не откликнулся на их приглашения. В свою очередь, пытаясь организовать диалог и найти хоть какой-то компромисс, власти Таллина, в частности председатель Городского собрания Т. Витсут, летом-осенью 2006 г. собирали специальный «круглый стол». Представитель правительства, министр обороны Я. Авикус принял участие в этом «диалоге» первый и единственный раз 26 апреля 2007 г. – за несколько часов до разгона митинга. Правительство Ансипа проигнорировало и позицию горуправы Таллина, которая возражала против переноса памятника, и предупреждения ученых – социологов, политологов и культурологов, – обратившихся к нему с открытым письмом.

Такая демонстративная последовательность не могла не броситься в глаза. Например, преподаватель Таллинского университета Т. Саартс недоуменно вопрошает: «Почему вы отказались от диалога и вели такую политику, будто ехали на танке?» (*Delfi, 1 мая 2007 г.*).

Свой ответ предлагает политолог А. Астров в реплике на майское интервью премьер-министра Ансипа, уже после событий. «Отвечая на вопрос о возможности диалога, Ансип повторил, что диалог был изначально невозможен, поскольку русские не согласились бы на перенос памятника. Что, по сути, означает признание, что сам он даже не может помыслить и никогда не мог помыслить возможности того, что и ему пришлось бы изменить свою изначальную позицию. (...) Вот именно потому, что нынешняя власть в принципе не видит разницы между диалогом и приказом, ни о каком диалоге с ней не может быть и речи. Ибо суть этой власти, по крайней мере, в той мере, в какой ее представляет Ансип, – отрицание диалога» (*Delfi, 16 мая 2007 г.*).

Если этот вывод справедлив, то остается констатировать, что отмеченная выше культура диалога и компромисса как завоевание эстонской демократии находится под угрозой. Способ принятия решений, продемонстрированный правительством А. Ансипа, свойственен авторитарным режимам. Некоторые наблюдатели и аналитики, например, социолог Ю. Кивиряхк и философ и политолог Е. Голиков, идут еще дальше и обвиняют правительство в осуществлении сознательной провокации с целью не предотвратить, а прямо вызвать противоправные действия и тем самым максимально дискредитировать своих оппонентов (*«Таллинн»*, № 2-3, 2007 г.; *Delfi*, 30 апреля 2007 г.). Подробный анализ такого рода обвинений и вынесение собственных вердиктов не являются, разумеется, целью настоящей публикации. Мы можем лишь констатировать, что опасения за судьбы демократии в Эстонии являются, как минимум, небеспопеченными. Мы можем разделить эти опасения в той сфере, которая нам близка, а именно, в области обеспечения и защиты прав человека. Поэтому в заключение этого краткого предисловия не могу еще раз не поделиться своим беспокойством по поводу одной явно негативной тенденции, которая проявилась в последнее время.

Центр информации по правам человека, представляя интересы своих клиентов, накопил большой опыт участия в судебных процессах (несколько сотен, по большей части выигранных). Вплоть до последнего времени, основываясь на этом опыте, мы с удовлетворением констатировали, в том числе и в докладах международным организациям, что эстонские суды в целом достаточно независимы, не подвержены политической конъюнктуре и давлению со стороны исполнительной власти. Поэтому крайне неприятным сюрпризом оказалась позиция Таллинского окружного суда, который отказался удовлетворить жалобы жертв полицейского произвола на невозбуждение уголовного производства. В какой-то степени реакция полиции, не желающей открывать процессуальные действия в отношении своих сотрудников, была ожидаемой. Менее очевидна позиция прокуратуры. Но отказ суда предоставить пострадавшим даже возможность рассчитывать на беспристрастное расследование представляет собой крайне опасный прецедент отказа в доступе к правосудию. Можно лишь надеяться, что это изолированный прецедент, а не выражение тех же тенденций, о которых упоминалось выше.

Алексей Семенов

ВОЙНА ПАМЯТНИКОВ: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В 2002 г. в курортном городе Пярну девять дней простоял монумент эстонцам, воевавшим на стороне немцев в годы Второй мировой войны. Табличка на памятнике гласила, что он установлен «всем эстонским солдатам, павшим во Вторую освободительную войну за родину и свободную Европу в 1940-1945 гг.». Он был снят в ответ на давление со стороны республиканских властей, озабоченных имиджем Эстонии за рубежом. В 2004 г. этот же монумент собрались установить в городке Лихула в Западной Эстонии. После некоторых корректировок монумент приобрел следующий вид: барельеф автоматчика в эсэсовской форме и каске, на мундире – значок ордена «Крест свободы Эстонии» и немецкая награда «Железный крест». Скорректированный текст выглядел следующим образом: «Эстонским мужчинам, которые воевали в 1940-1945 гг. против большевизма и во имя восстановления независимости Эстонии». Первоначально местное самоуправление Лихула планировало установить монумент возле гимназии, но позднее решило поставить его на местном кладбище – напротив памятника советским воинам, установленного на их братской могиле. Премьер-министр Ю. Партс, во многом по внешнеполитическим соображениям, пытался оказать давление на лихулаские власти, чтобы не допустить открытия монумента, однако успеха не имел. Центральной в этом конфликте оказалась фигура волостного старейшины Т. Мадиссона.

Т. Мадиссон приобрел особую известность еще в перестроечные времена: советский диссидент, он организовывал первые крупные уличные манифестации сторонников независимости (например, известный митинг в Хирве-парке в 1987 г.). Однако частью политической элиты постсоветской Эстонии этот человек стать не смог. В 1994 г. Т. Мадиссон создал Центральный союз националистов, который заявил о преемственности полуфашистского популистского движения довоенной Эстонии. На парламентских выборах 1995 г. Центральный союз получил только 0,9% голосов.

В 1996 г. Т. Мадиссон обнародовал меморандум «Судьба Эстонии?», где фигурировала некая Армия освобождения, целью которой было установление националистической военной диктатуры. Тогда же Т. Мадиссон провел ряд встреч с государственными руководителями высшего звена и обсуждал с ними возможность совершения государственного переворота. Некоторые чиновники сообщили об этом в Полицию безопасности, и 1 июня 1996 г. Т. Мадиссон был арестован. Позже суд признал его виновным в подготовке насильственного захвата власти. Однако в ноябре 1997 г. Т. Мадиссон подпал под принятый специально под него акт амнистии.

В октябре 1999 г. на местных выборах Т. Мадиссон прошел в волостное собрание в Лихула (Западная Эстония). События, которые последовали непосредственно за установкой памятника, были подробно описаны им в книге «Урок Лихула. Создание нового мирового порядка в Эстонии: переделка истории и подавление национализма» (Лихула, 2005 г.). Надо сказать, что Т. Мадиссон довольно рано почувствовал интерес к теме всемирного заговора и активно делился своими соображениями с широкими слоями эстонского общества. В 2004 г. вышла в свет его книга «Новый мировой порядок: Скрытая деятельность иудаистов и вольных каменщиков по покорению народов и государств» (Лихула, 2004 г.). Появившаяся в 2006 г. книга «Холокост: наиболее удручающая сионистская ложь XX века» (Лихула, 2006 г.), как и прочие подобные труды Т. Мадиссона, представляет собой, в основном, компиляцию работ более известных «специалистов» по данному вопросу.

Несмотря на запрет полиции, монумент был открыт в праздничный день 20 августа 2004 г. – в годовщину восстановления независимости Эстонии (соответствующая декларация была принята в Таллине в 1991 г. во время августовского путча в Москве). Присутствовало несколько десятков эстонских ветеранов, служивших в Ваффен-СС. Было отмечено и появление нескольких неонацистов. Мероприятие прошло без эксцессов, если не считать словесную перепалку охранников мероприятия с представителями русскоязычных СМИ. Об открытии памятника стало широко известно не только в России, но и на Западе, однако он простоял лишь две недели. Монумент был демонтирован 2 сентября 2004 г. по решению правительства. Формально такую возможность давал тот факт, что его установили на государственной земле без соответствующего разрешения. Сам процесс демонтажа поразил воображение эстонского обывателя: происходило это уже в сумерках, причем место было оцеплено полицейскими со служебными собаками. Возбужденная толпа (в основном подростки) стала забрасывать камнями автокран, в результате чего ранение получил его водитель.

Эстонская пресса отмечала, что демонтаж был спешно осуществлен накануне встречи министров иностранных дел стран – членов ЕС. Этого настоятельно требовала министр иностранных дел Эстонии К. Оюланд, которая предвидела жесткую критику со стороны коллег. Известно также о давлении на кабинет министров со стороны американского посольства в Таллине. В специальном заявлении позиция руководства страны объяснялась следующим образом: «Правительство высоко ценит храбрость людей, боровшихся во времена разных оккупаций за независимость и свободу Эстонии, и считает важным увековечить их память...» Однако делать это следует «достойно, уважая подлинные цели и мотивы этих людей, а не навязанный им другими мундир» (*сообщение правительственного пресс-бюро от 2 сентября 2004 г.*).

С резкой критикой кабинета немедленно выступили националистические партии и некоторые общественные деятели. Телефонный опрос социологической фирмы Faktum показал, что мнения эстонцев и русских (русскоязычных) по данному вопросу разделились: несправедливым назвали действия правительства 58% эстонцев (против 29%) и 25% русских (против 64%). У эстонцев больше всего несогласных с властями было среди молодых (15-29 лет) и среди лиц с начальным образованием (*BNS, 6 сентября 2004 г.*).

Еще 10 сентября 2004 г. правительство Эстонии выразило сожаление, что решение о демонтаже лихулаского памятника «привело к всплеску эмоций у людей и столкновениям местных жителей с полицией и сотрудниками Спасательного департамента» (*BNS, 10 сентября 2004 г.*). Недели спустя правительство приняло решение о необходимости государственного урегулирования вопроса об увековечивании памяти всех, «кто пал, сражаясь за свободу Эстонии» (*BNS, 17 сентября 2004 г.*). Тем не менее социологический опрос конца сентября выявил, что вследствие лихуласких событий резко упал уровень доверия эстонцев к премьер-министру Ю. Партсу. В то же время доверие к институтам власти несколько выросло среди русских. Правительство Партса пало в апреле 2005 г.

Установка и демонтаж монумента в Лихула и последующие события создали в Эстонии благоприятную почву для роста межнациональной напряженности и еще больше углубили раскол общества по этническому признаку. Специалисты-семиотики, проводившие экспертизу памятника по заказу полиции, пришли к выводу, что он не

возвеличивает нацизм. Но «отклонение от того, что принято называть хорошим тоном, привело к крайне противоречивому толкованию содержания памятника и пространственному конфликту на месте его установки» (*BNS, 30 сентября 2004 г.*). На основании этой экспертизы следствие, начатое по подозрению в разжигании национальной розни, было полицией прекращено в связи с отсутствием состава правонарушения. Сопrotивление жителей Лихула полицейским также не повлекло за собой каких-либо серьезных наказаний.

Лихулаcкий барельеф был установлен в октябре 2005 г. на территории частного военного музея в Лагеди, под Таллином, при открытии которого в качестве гостя присутствовал и Т. Мадиссон. Что касается эстонского правительства, то в Таллине на Маарьямяэ появился новый монумент: три больших креста, возле которых расположены таблички с названиями немецких военных частей, в том числе и с названием Эстонского легиона (20-я дивизия СС). Это – воинские части, в рядах которых, согласно официальной версии, эстонцы боролись за свободу своей страны.

Непосредственным следствием лихулаcких событий стало принявшее массовый характер осквернение памятников и обелисков советским воинам по всей Эстонии (что сразу же получило название «войны памятников»). Первым пострадал монумент красноармейцам в самом городке Лихула, позже краской были вымазаны (в основном надписями типа «Слава тов. Партсу!») памятники на острове Сааремаа, в городах Пярну, Раквере, Хаапсалу, в волостях Тууди, Коонга, Сурью, Мяска и в других местах. В ответ изображением свастики была обезображена памятная плита в честь митинга 23 августа 1987 г. в поддержку эстонской независимости в Хирве-парке. Весь сентябрь 2004 г. официальные лица неоднократно делали заявления, чтобы успокоить общественное мнение, правда, используя привычные аргументы. Так, министр внутренних дел М. Лейво 6 сентября пояснил осквернителям памятников советским солдатам: «Каждый, кто надеется таким образом решить проблему, должен понять, что на самом деле он лишь льет воду на мельницу российской пропаганды» (*Delfi, 6 сентября 2004 г.*).

В сентябре 2004 г. активизировались сторонники официального демонтажа памятников советским солдатам. С призывом сноса «Бронзового солдата» на Тынисмяги в Таллине выступал, например, Союз Отечества. Стоящий в центре столицы памятник находился на муниципальной земле, а городские власти, несмотря на многочисленные обсуждения, решения о сносе или переносе памятника так и не приняли. Однако сам монумент за последнее десятилетие стал выглядеть по-другому. Вначале был погашен горевший перед «Бронзовым солдатом» «вечный огонь». Затем были удалены таблички с именами советских солдат, похороненных на холме Тынисмяги, зато на памятнике появились таблички на эстонском и русском языках, превратившие его в монумент всем павшим во Второй мировой войне. Сам памятник представлял собой фигуру солдата-эстонца в форме красноармейца, над его головой – орден Отечественной войны.

Поскольку лихулаcкий памятник критиковался многими «за указывающие на тоталитарный режим» немецкую форму и «Железный крест», раздались требования демонтажа «Бронзового солдата» по той же причине. В 2004 г. акции протеста против «чужих памятников» многочисленными не были.

Хотя перепланировка участка вокруг «Бронзового солдата» была проведена таким образом, что большая мощеная площадка перед ним исчезла, тысячи людей возлагали к его

подножию цветы ежегодно 9 Мая, в День Победы. Ветераны ВОВ также собирались возле памятника 22 сентября (в этот день части Красной армии вступили в Таллин в 1944 г.). Оба ежегодных мероприятия крайне раздражали часть эстонского общества и вызывали повышенный интерес местных спецслужб.

Ряд инцидентов был зафиксирован в Эстонии и весной 2005 г.

- В ночь с 1 на 2 апреля 2005 г. целый подъезд дома в таллинском районе Ласнамяэ, где проживают в основном русскоязычные, был исписан антирусскими лозунгами и разрисован фашистской символикой. Примеры надписей: «Почему Германия не победила (1943)?», «Русские, уважайте эстонские обычаи или убирайтесь домой в Россию», «Снять Тынисмягского оккупанта и послать его на ***» и т.п. («Молодежь Эстонии», 5 апреля 2005 г.). Установить виновных следствию не удалось.
- 4 мая 2005 г. стало известно, что в связи с акцией, проведенной в Нарве Русской партией Эстонии (в память о погибших во Второй мировой войне на металлическую ограду Таллинского шоссе были прикреплены тысячи ленточек), полиция возбудила дело об административном правонарушении. По словам верховного комиссара М. Ранне, общественное мероприятие не было подобающим образом зарегистрировано (*SL-Õhtuleht*, 4 мая 2005 г.).
- 9 мая 2005 г. рано утром памятник солдатам Красной армии на Тынисмяги был облит красной краской. Через какое-то время полиция задержала эстонского мужчину, который на допросах утверждал, что двое русскоязычных заказали у него осквернение монумента и обещали заплатить за это 20 тыс. крон (около 1300 евро). Известно, что полиция и прокуратура после задержания занимались контактами подозреваемого с Россией. Позже он отказался от своих показаний и был отпущен полицией (*Delfi*, 9 и 14 мая 2005 г., *SL-Õhtuleht*, 14 мая 2005 г.).
- 7 мая 2005 г. в Нарве было осквернено военное немецкое кладбище. 9 мая в Раквере были осквернены памятники советским воинам. 11 мая в Нарве был опрокинут памятник жертвам бомбардировки города, которая была осуществлена советской авиацией в 1944 г. (*Delfi*, 9-11 мая 2005 г.).

9 мая 2006 г. таллинские власти санкционировали у монумента на Тынисмяги два мероприятия: возложение венков от ветеранских организаций и пикет противников памятника. Хотя к началу пикета официальное мероприятие ветеранов уже закончилось, у памятника, как и все предыдущие годы, находились сотни людей, пришедших возложить цветы. Пикет состоял из нескольких человек, в руках которых были государственный флаг и плакат на эстонском: «Эстонский народ, не забудь: этот солдат оккупировал нашу землю и депортировал наш народ». Простояв у кромки заполненной народом площади, пикетчики через несколько минут были вытеснены на проезжую часть, откуда были эвакуированы в полицейском автобусе.

Ранее эстоноязычная пресса не уделяла особого внимания празднованию 9 Мая в Эстонии. Однако в этом году события у «Бронзового солдата» были освещены ею достаточно подробно, причем в негативном ключе. 20 мая 2006 г. несколько сот человек провели «патриотическую акцию» возле «Бронзового солдата». Кроме организаторов пикета 9 мая и соратников Т. Мадиссона, к монументу пришло немало эстонцев разных возрастов с государственными флагами. Было также довольно много бритоголовых молодых людей, причем одежда некоторых из них была украшена немецкими военными символами. К монументу пришла и небольшая группа говоривших по-русски людей, радикально настроенных против «врагов памятника». По оценке властей, мероприятие в целом прошло без эксцессов, за исключением

попыток накинуть на шею «Бронзовому солдату» петлю. Один из участников мероприятия забрался на стацию, размахивая государственным флагом. Вечером того же дня памятник был измазан красками цветов эстонского флага. В Пыхьяской префектуре полиции было возбуждено административное дело против Т. Мадиссона за то, что мероприятие 20 мая 2006 г. не было зарегистрировано в Таллинской горуправе в соответствии с законом.

На следующей неделе возле «Бронзового солдата» по ночам стал появляться т.н. «Ночной дозор» – добровольцы из числа русской молодежи приходили в вечернее время охранять памятник от вандалов. Стихийно возникшее движение позже получило организационное оформление.

Далее противники монумента заявили о своем намерении провести 27 мая 2006 г. пикник возле «Бронзового солдата». Среди молодежи из русской общины стали распространяться призывы тоже прийти к монументу и, заполнив пространство перед памятником, сделать невозможным проведение подобного мероприятия у братской могилы. Таллинская полиция сработала весьма оперативно и предотвратила столкновение десятков людей, пришедших к «Бронзовому солдату»: эстонская и русская часть толпы были разделены, после чего русские были отеснены в сторону одной из центральных столичных площадей. С обеих сторон было много молодежи. Если русские пришли к памятнику с флажками Евросоюза, то эстонцы – с государственными флагами.

По свидетельству очевидцев, колонна русскоязычных уходила под крики «Русские фашисты – вон!». Поскольку им не позволили возложить цветы к «Бронзовому солдату», русские усыпали ими подножие «Часов свободы» – памятника дню провозглашения эстонской независимости. После этих событий власти установили ограждение у площади возле памятника и выставили полицейский патруль.

Мнения эстонских политиков по поводу судьбы памятника разделились. Если лидер Центристской партии Э. Сависаар выступал против его переноса (его партия удерживает власть в столичном муниципалитете), то ряд других политиков поддерживали радикальные меры. Примечательно, что за короткий срок свое мнение изменил премьер-министр страны А. Ансип (Реформистская партия). 9 мая 2006 г. он высказался против того, чтобы перемещать монумент, так как он стоит на чьей-то могиле. Однако 25 мая он заявил журналистам, что памятник нужно было бы перенести. По мнению премьер-министра, «Бронзовый солдат» на Тынисмяги стал символом, противостоящим Эстонской Республике, символом оккупации, а не памятником жертвам войны. Это заявление А. Ансипа спровоцировало националистически настроенную молодежь и скинхедов на публичные акции «в поддержку решения премьер-министра» (например, 2 июня 2006 г.).

8 июля 2006 г. А. Ансип заявил участникам слета борцов за свободу, адресуя эти слова, в основном, тем, кто служил в годы войны в немецкой армии, и т.н. «лесным братьям»: «Ваша борьба явилась подвигом, который нужно высоко ценить как сейчас, так и в будущем. Пусть государственная независимость Эстонии не была тогда восстановлена, тем не менее ваша борьба сыграла важную роль в том, что народ Эстонии смог сохранить свое стремление к свободе в течение всей советской оккупации. Ведь вы всегда между собой говорили – да, мы проиграли сражение, но в итоге мы все же выиграли эту войну!» (*сообщение правительственного пресс-бюро от 10 июля 2006 г.*)

Судьба «Бронзового солдата» активно обсуждалась в эстно- и русскоязычной прессе. По выводам авторов специального мониторинга, осуществленного по заказу Фонда ин-

теграции неэстонцев за май-июль 2006 г., «среди утверждений [в СМИ] преобладали высказывания о том, что отношение эстонцев и русских к переносу монумента противоположное и что «Бронзовый солдат» как памятник оккупации не должен находиться в центре города. Также в русскоязычных средствах массовой информации очень хорошо было представлено мнение о том, [что] желание эстонцев перенести монумент является по своей сути националистическим (если не сказать – фашистским). Отсюда вытекает и заключение о том, что и в эстонском, и в русском медиа-пространстве очень большую роль в аргументации за или против переноса монумента играет национальное сознание».

21-22 октября 2006 г. в Таллине наблюдались как санкционированное собрание националистов, так и административно наказуемое «нелегальное» собрание социально активной русской молодежи напротив ограждения с цветами и свечами. 9 октября 2006 г. доступ к памятнику был открыт. Предполагается, что это было сделано накануне визита английской королевы.

Осенью 2006 г. два законопроекта, инициированные реформистами и их союзниками, должны были решить проблему сноса/переноса монумента в условиях, когда перед парламентскими выборами контролирующая столичное самоуправление Центристская партия не желала предпринимать резких шагов, которые не найдут понимания у русского избирателя, в последнее время охотно отдающего ей свои голоса.

Первый законопроект – № 1000 – предполагал принятие особого Закона о сносе запрещенных сооружений. В случае вступления в силу он бы возбранял экспонирование или установку в общественном месте памятника, произведения монументального искусства или иного строения или предмета, которые прославляли бы оккупировавшие Эстонскую Республику государства или их вооруженные силы, разжигали бы вражду, призывали бы к совершению преступления или иным образом могли бы привести к нарушению общественного порядка. Для сноса такого сооружения, памятника и т. п. министру юстиции предоставлялись бы особые полномочия, подкрепленные возможностью наложения штрафов. Второй законопроект – № 1001 – предполагал принятие особого Закона об охране воинских захоронений, причем со ссылкой на протокол к Женевской конвенции 1949 г.

Закон о запрещенных сооружениях был принят 15 февраля 2007 г. В окончательной версии он имел прямые отсылки к «Бронзовому солдату» и предусматривал снос памятника в течение 30 дней со дня вступления закона в силу. Президент Эстонии решил его не оглашать.

Принятый месяцем раньше – 10 января 2007 г. – Закон об охране воинских захоронений был поддержан представителями всех фракций парламента. «Против» голосовали только несколько русских и эстонских депутатов Центристской партии. Русские депутаты от Реформистской партии были в зале, но не голосовали. Закон делает отсылку к статье 34 Первого дополнительного протокола к Женевской конвенции 1949 г., однако дает заведомо расширительное толкование соответствующих положений. Перезахоронение останков, по эстонскому закону, дает возможность переносить и «надгробные сооружения» (статья 10).

15 февраля 2007 г. парламент голосовал также по вопросу о внесении поправок в Закон о праздничных датах и памятных днях. «Против» выступили лишь восемь русских и эстонских депутатов из числа центристов. «За» было подано 63 голоса, в том числе русским депутатом от «Республики». Русские депутаты-реформисты свою позицию вновь не обозначили. Законопроект касался 22 сентября как памятной даты. Как уже отмечалось, в

ходе Второй мировой войны Красная армия вступила в эстонскую столицу 22 сентября 1944 г., и представители русской общины отмечают в этот день годовщину «освобождения города от немецко-фашистской оккупации». Согласно официальной эстонской трактовке истории, этот день можно также считать началом «второй советской оккупации».

Вообще в эстонском парламенте было несколько инициатив по этому вопросу. 15 ноября 2005 г. парламент исключил из производства подготовленный Союзом Отечества законопроект, который не только планировал объявить 22 сентября днем траура, но и запретить в этот день любые несовместимые с ним мероприятия. Объявление 22 сентября еще одним отмечаемым в официальном календаре днем траура могло спровоцировать дополнительные трения между общинами в столице и, видимо, поэтому было отклонено. Тем не менее, 24 ноября 2005 г. Союз Отечества вновь подал законопроект аналогичного содержания. Проект не прошел первого чтения 7 февраля 2006 г., но в этот же день правящие партии – Центристская, Реформистская и Народный союз – инициировали свой законопроект. Они предлагали объявить 22 сентября «днем памяти связанных с оккупацией страданий», но устанавливать запрет на публичные мероприятия в этот день не планировали.

Однако законопроект о 22 сентября, предложенный партиями правительственной коалиции, так и не был принят. В итоге фракции Союза Отечества и Республики (ныне эти две политические силы объединились) представили новый законопроект, который просто объявлял 22 сентября «днем памяти сопротивления». В таком виде он и был принят эстонским парламентом.

Тема различных интерпретаций итогов Второй мировой войны была затронута и в последних ежегодниках полиции безопасности (КаПо), эстонской спецслужбы. В ежегоднике за 2005 год особый раздел главы «Защита конституционного строя» посвящен деятельности Антифашистского комитета, созданного местными русскими политиками. По словам КаПо, в 2005 г. комитет продолжил «антиэстонскую деятельность» в виде организации «оправдывающих советский оккупационный режим» исторических лекций в маардуских школах. В качестве примера приведена лекция «Весна 1945», состоявшаяся 18 марта 2005 г. Эти и подобные акции комитета КаПо увязывает с влиянием, оказываемым из России. В ежегоднике за 2006 г. «антиэстонскими и антибалтийскими пропагандистскими изданиями» названы опубликованные в России сборники архивных документов, которые свидетельствуют о преступлениях в годы немецкой оккупации, совершенных в Эстонии и других странах Балтии нацистами и местными коллаборационистами.

4 марта 2007 г. в Эстонии состоялись парламентские выборы. Большой успех сопутствовал Партии реформ, которая получила в парламенте 31 мандат из 101, набрав почти 28% голосов. За ней следовала Центристская партия – 29 мандатов (26% голосов). Прочие партии имели гораздо более скромные результаты. По сравнению с выборами 2003 г. самое значительное увеличение парламентского представительства было у Реформистской партии (12 дополнительных мест). Социал-демократы получили дополнительно 4 места, а Центристская партия – одно.

Кроме прочего, в ходе минувшей предвыборной кампании активно использовался вопрос о «Бронзовом солдате». Руководство Реформистской партии заняло непримиримую позицию противников монумента и солидаризировалось с крайними националистами, видимо, пытаясь привлечь к себе тех эстонцев, которые голосовали на прошлых выбо-

рах за Союз Отечества и его клон – Республику. В любом случае, в марте 2007 г. эти ныне объединившиеся националистические партии потеряли 16 мандатов, большая часть которых заведомо перешла реформистам.

Что касается русских граждан Эстонии, то в ходе этих выборов активнее всего с ними вновь работала Центристская партия. Для этого, например, было щедро куплено время на Первом балтийском канале (местный «филиал» ОРТ), в т. ч. и в формате информационных программ. В русскоязычной рекламе центристы позиционировали себя в качестве противников сноса монумента. Принципиальность русских депутатов-центристов противопоставлялась нерешительности двух русских реформистов, которые либо не голосовали, либо не появились в парламенте при обсуждении законов, разрешающих снос/перенос монумента. Голосовать за Центристскую партию и ее лидера Э. Сависаара призывали известные российские деятели, например, К. Косачев и С. Степашин.

В декабре 2006 г. русскоязычная газета «Право и правда» опубликовала статью «Ансип, Веллисте и новые нацисты», поместив в качестве иллюстрации коллаж из профилей солдата в эсэсовской форме, А. Ансипа и М. Лаара (которые являлись активными противниками «Бронзового солдата»). Газета долгие годы была партийным органом Центристской партии. Однако в ходе разразившегося скандала центристы заявили, что какое-то время уже не имеют непосредственного отношения к этому изданию, и что символикой партии злоупотребили. Газета и ее интернет-сайт были закрыты. Примечательно, что как обычная полиция, так и Полиция безопасности не усмотрели в указанной статье признаков состава правонарушения (разжигания розни). Примерно в это же время центристами была приобретена ежедневная русскоязычная газета с заметным тиражом.

На таком фоне центристы смогли перетянуть на себя большую часть того «русского» электората, который раньше голосовал за «русские» партии. Успех последних был более чем скромным. Конституционная партия (бывшая Объединенная народная партия Эстонии) получила всего 1% голосов (в 2003 г. – 2%). Любопытно, что по сравнению с 2003 г. поддержка центристов выросла на 0,7%. Около тысячи голосов оттянул на себя маргинальный список Русской партии Эстонии. В отличие от центристов, «русские» партии не получили ни мощной финансовой, ни символической поддержки внутри страны или из-за ее пределов.

По данным социологической службы TNS Emor, в начале апреля 2007 г. поддержка нового правительства, сформированного опять-таки А. Ансипом, среди эстонцев составляла 77% (среди неэстонцев – только 21%). При этом лишь 5% эстонцев и 13% неэстонцев считали, что вопрос о памятнике на Тынисмяги относится к одной из двух первоочередных проблем правительства (<http://www.emor.ee>).

В начале мая 2007 г. на Тынисмяги общественность ожидала провокаций преимущественно со стороны крайне правых эстонцев. Один из них, Ю. Лийм, планировал провести 9 мая 2007 г. возле памятника официально зарегистрированное мероприятие – многочасовой урок истории. Ранее Ю. Лийм публично угрожал взорвать памятник, за что привлёкся к суду (Верховный суд, правда, оправдал его 21 мая 2007 г. – дело RK 3-1-1-7-07). Всего же, по данным СМИ, на 8 и 9 мая 2007 г. было зарегистрировано семь общественных собраний и демонстраций, в основном недалеко от «Бронзового солдата» (*Delfi, 16 апреля 2007 г.*).

Но в ночь на 26 апреля 2007 г. была проведена полицейская операция, в ходе которой с площади на Тынисмяги были вытеснены дежурившие там защитники монумента. Над памятником и местом захоронений был поставлен шатер. Юридически это было оформлено как работы по эксгумации покоившихся на Тынисмяги останков советских воинов, которые осуществлялись на основании недавно принятого Закона об охране воинских захоронений.

К вечеру 26 апреля 2007 г. на Тынисмяги собралась достаточно большая группа людей, в основном русскоязычных, которые выражали свое недовольство действиями властей. Толпа скандировала: «Позор!» и «Фашисты!» Полиция приказывала людям разойтись, что не возымело эффекта. Наблюдатели отмечают, что некоторые протестующие бросали в сторону полицейских пустые бутылки. В какой-то момент правоохранительные органы начали разгон митинга с применением спецсредств, действуя весьма жестко. В ответ некоторые участники митинга бросали в полицейских камни. Митингующие были оттеснены с Тынисмяги на близлежащие улицы, где вскоре начали совершаться акты вандализма, а позднее (при малопонятной пассивности правоохранительных органов) – грабежи киосков и магазинов.

Уже в первую ночь беспорядков полиция проводила массовые задержания людей на улицах, в том числе тех, кто протестовал возле памятника на Тынисмяги. Задерживались и правонарушители, которые были причастны к актам вандализма. Эти две группы не тождественны: по некоторым данным, среди задержанных в первую ночь до трети были эстонцами, которых почти не было возле памятника (*Delfi, 27 апреля 2007 г.*). Также, по официальным данным, среди уже отданных под суд за грабежи/воровство есть эстонцы.

Небольшие группы русской молодежи, находившиеся во время беспорядков на улице, ходили под российскими флагами, скандируя «Россия!» Были отмечены и небольшие потасовки между русской и эстонской молодежью. Некоторые молодые эстонские националисты вышли на улицу, в том числе с эстонскими флагами, но их было совсем немного. Основные столкновения имели место именно с полицией.

Ранним утром 27 апреля 2007 г. по решению республиканских властей памятник на Тынисмяги был демонтирован (через несколько дней его установили на городском военном кладбище). Вечером 27 апреля поблизости от Тынисмяги вновь собрались протестующие. Полиция сменила тактику и сразу прибегла к массовым задержаниям возле площади Тынисмяги и в достаточно большом радиусе от нее. В Таллине вновь вспыхнули беспорядки, которые наблюдались также в населенных преимущественно русскоязычными городах Северо-Востока Эстонии. В столице полиция блокировала в центре целые кварталы, проводились массовые задержания находящихся там лиц, в особенности говорящих по-русски. 28 апреля задержания продолжались.

Никаких официальных запретов посещать центр Таллина, где продолжали работать развлекательные заведения, не было. Однако в СМИ 27 апреля 2007 г. были озвучены рекомендации «оставаться дома» (их же рассылали на электронные адреса и мобильные телефоны).

Задержания проводились крайне жестко: в ход шли дубинки, резиновые пули и пластиковые стяжки в качестве наручников, людей клали на землю. Задержанных отвозили в «фильтрационные пункты». По информации лиц, обратившихся к эстонским правозащитникам, условия содержания там были плохими: людей заставляли часами сидеть на бетонном полу в неудобной позе со связанными сзади руками, охранники избивали задержанных, в том числе безо всякого повода.

Как и следовало ожидать, большинство задержанных не были причастны к совершению каких-либо правонарушений: по данным Пыхьяской окружной прокуратуры таких «случайных прохожих» было около 700 чел. (*Delfi*, 26 июня 2007 г.). К утру их отпускали без предъявления каких-либо обвинений, но и без извинений. Всего же, по данным Пыхьяской префектуры полиции (Таллин и прилегающий Харьюский уезд), в списках «фильтрационных пунктов» фигурирует более 1160 имен. Среди задержанных было 494 гражданина Эстонии, 85 граждан Российской Федерации и 308 апатридов со статусом долговременного жителя. Согласно тому же источнику, в дни беспорядков погиб один человек (гражданин России Д. Ганин), пострадали 156 чел. (из которых 29 – сотрудники полиции). Также в ходе апрельских событий полиция зафиксировала в столице 148 объектов, которые пострадали от действий вандалов; две трети – в первую ночь беспорядков (*«Молодежь Эстонии»*, 16 мая 2007 г.).

По данным эстонской прокуратуры, к 18 мая 2007 г. в связи с апрельскими событиями было начато 65 уголовных расследований. Из них госпрокуратура вела 3 уголовных дела, связанных с кибератаками, организацией массовых беспорядков, насильственными действиями, направленными против суверенитета и независимости ЭР, и убийством. Остальные расследования, которые вели Пыхьяская и Вируская окружные прокуратуры, касались в основном тяжких групповых нарушений общественного порядка, оскорбления представителей власти, организации массовых беспорядков, оскорбления памяти погибших, административных правонарушений во время массовых беспорядков. Подозреваемыми в ходе расследований признаны свыше 300 человек. Были арестованы 50 подозреваемых, из них 4 гражданина РФ и 1 гражданин Литвы (*«Молодежь Эстонии»*, 25 мая 2007 г.).

Особым вопросом является реакция следственных органов на десятки жалоб, которые касаются действий полиции. Правительство явно готовилось к массовому выражению недовольства, когда приступало к операции по переносу монумента: накануне в столицу были привезены тысячи полицейских из провинции. Но, видимо, были недооценены масштабы возможных беспорядков и не вполне отработаны действия правоохранительных органов в экстремальных условиях. Тем не менее и премьер-министр, и министр внутренних дел по горячим следам поспешили высказать полное одобрение действий полиции. В интервью местному изданию глава МВД Ю. Пихл сказал: «Я знаю, что враги Эстонии не думали, что у нас есть так много полицейских и что они такие профессиональные. Они не учли, что у нас есть сила, которая решит вопрос. И поэтому они ищут сейчас возможности обвинить полицию в применении излишней силы. Такого не было...» (*«Вести»*, 21 мая 2007 г.).

Международная хельсинкская федерация по правам человека (ИHF) призвала эстонские власти «тщательно и беспристрастно расследовать заявления о жестокости полиции в ходе недавних беспорядков в стране и гарантировать, чтобы впредь проблема беспорядков решалась бы в строгом соответствии с международными стандартами» (заявление от 30 апреля 2007 г.). Однако к началу июня было возбуждено не более десятка уголовных дел по жалобам на действия полиции. Большинство пострадавших получили почти идентичные отказы, в которых префектура полиции, прокуратура, а затем и Окружной суд оправдывают действия правоохранителей ссылкой на чрезвычайные обстоятельства в период массовых беспорядков. Обращает на себя внимание и некая избирательность со стороны органов следствия. Скажем, было возбуждено уголовное дело по заявлению попавшего в «фильтрационный пункт» и избитого там охранниками пожилого гражданина ФРГ. Но по аналогичным жалобам местных жителей последовали отказы (хотя они, в отличие от заявления гражданина ФРГ, подкреплялись медицинскими справками).

Уже после первой ночи беспорядков, утром 27 апреля 2007 г., по подозрению в организации массовых беспорядков были арестованы Д. Линтер и М. Рева. Они были активистами «Ночного дозора». Тогда же по дороге в школу был арестован и местный представитель российской организации «Наши» 18-летний М. Сирьк, который в «бронзовую ночь» оставался дома. М. Сирьк был выпущен под подписку о невыезде в середине июня, а Д. Линтер и М. Рева – только в ноябре 2007 г. На остальных членов «Ночного дозора» оказывалось давление (например, организация не смогла в Таллине снять помещение для проведения собрания). «Русскоязычная» молодежная организация «Siin» («Здесь»), рядовым членом которой являлся М. Сирьк, была почти сразу лишена государственного финансирования за предполагаемую связь с российским движением «Наши».

Намеченный на 22 апреля 2007 г. митинг «Ночного дозора» под лозунгом «За толерантность и диалог!» был запрещен. Полиция посчитала, что это мероприятие может представлять опасность для общественного спокойствия (*Delfi, 21 апреля 2007 г.*). Уже после «бронзовой ночи», с 30 апреля до 11 мая 2007 г. все без исключения уличные мероприятия в Таллине были запрещены (по представлению префекта полиции). Это делало затруднительным какое-либо открытое выражение недовольства действиями властей. Некоторая часть русскоязычного населения участвовала в последних числах апреля – первых числах мая в акциях гражданского неповиновения, которые заключались в медленной езде по улице с подачей звукового сигнала с 12.00 до 12.20. Полиция штрафовала нарушителей ПДД на сумму до 3000 крон (190 евро), а также публично выражала благодарность тем, кто сообщал о подобных правонарушениях.

8 мая 2007 г. премьер-министр А. Ансип неожиданного явился на военное кладбище возлагать венки. Таким образом, эстонские власти впервые положили цветы к подножию «Бронзового солдата». В мероприятии принимал участие и дипкорпус. Однако посол России приглашение проигнорировал: он возложил венок к монументу 9 мая. Тысячи русскоязычных жителей столицы также принесли к «Бронзовому солдату» цветы в этот день. Многие оставляли их и у ограды на Тынисмяги – в то время на прежнем месте памятника уже проводились работы по озеленению.

Официальный Таллин отрицает наличие у русскоязычного меньшинства Эстонии каких-либо серьезных проблем, которые могли подготовить почву для стихийного выражения недовольства, непосредственным поводом к которому послужила полицейская операция на Тынисмяги. Заметно стремление властей увязать апрельские события с российским влиянием (если не с заказом из Москвы). Еще накануне беспорядков крупная эстонская газета сообщила о «подозрительных встречах» «экстремистских» руководителей «Ночного дозора» и местных русских политиков с российскими дипломатами в кафе и в городском парке (*Postimees, 25 апреля 2007 г.*) На это обстоятельство специально обратил внимание иностранных журналистов и министр иностранных дел Эстонии У. Паэт. Тем не менее российские дипломаты, портретные снимки которых были напечатаны в газете, не были объявлены персонами нон грата.

Хакерские атаки на сайты эстонских госучреждений в начале мая 2007 г. были квалифицированы официальным Таллином как действия российских властей. Эта тема активно муссируется на международном уровне, хотя некоторые эстонские и западные специалисты уже успели высказать сомнения в подобной оценке событий. Более того, в конце мая министр юстиции Р. Ланг заявил в интервью провинциальной газете, что на 9 мая были

запланированы гораздо большие беспорядки, целью которых было свержение правительства. «... Я думаю, что наличие такого плана ясно для любого мыслящего человека. Если делегация Российской Думы уже в аэропорту заявляет, что требует отставки эстонского правительства, продолжает подобную риторику по прибытии в Эстонию – то, мне кажется, здесь не о чем больше думать». Министр юстиции не смог назвать человека, который, по мнению организаторов беспорядков, мог бы занять кресло премьер-министра. «Если у меня была бы бумага за подписью Путина, я бы давно передал ее вам и попросил напечатать» (*Sakala, 26 мая 2007 г.*). Месяц спустя командующий эстонскими Силами обороны А. Лаанеотс публично заявляет, что апрельские беспорядки в Эстонии были «масштабной, одобренной на высоком политическом уровне, тщательно продуманной и подготовленной спецоперацией Российской Федерации против Эстонии» (*Delfi, 20 июня 2007 г.*).

В ходе апрельских событий в сложном положении оказалась Центристская партия, которая контролирует муниципалитеты не только в столице, но и в «русскоязычных» городах Северо-Востока. Таллинские власти, как уже отмечалось, пытались затормозить процесс переноса «Бронзового солдата» – эта тема интересовала русскоязычного избирателя, который голосует, в основном, за центристов. Именно для преодоления несогласия местных властей и был принят Закон об охране воинских захоронений, который позволял проигнорировать мнение столичного муниципалитета по вопросу о переносе памятника. Обращения таллинских властей в суд были безуспешны. В «бронзовую ночь» лидер партии и мэр города Э. Сависаар не стал выступать с какими-либо призывами к «своим избирателям», как того требовали правые партии. В условиях националистической истерии после апрельских событий такая позиция вызвала негодование у эстонской части населения. Согласно телефонному опросу TNS Emor, проводившемуся в начале мая 2007 г., действия премьер-министра страны А. Ансипа с момента демонтажа «Бронзового солдата» одобряли 82% эстонцев, тогда как 84% неэстонцев оценивали действия А. Ансипа негативно. По тем же данным, личный рейтинг Э. Сависаара среди неэстонцев составлял 56%, а «антирейтинг» среди эстонцев – 81% (<http://www.emor.ee>).

В мае-июне 2007 г. в эстонских СМИ появились многочисленные публикации журналистов и экспертов с различными интерпретациями апрельских событий. «Бронзовая ночь» предопределила конец эры своеобразной эстонской политкорректности. С одной стороны, авторы материалов перестали чураться «языка ненависти», что ранее для Эстонии было большой редкостью. С другой стороны, экспертами и журналистами стали использоваться прежде табуированные термины (например, «дискриминация» или «ассимиляция»). Публичной критике подверглись специалисты по этнополитике, негативно оценившие действия правительства, хотя и им была предоставлена возможность высказаться в СМИ.

В июне 2007 г. фирмой Saar Poll был проведен социологический опрос населения, посвященный событиям конца апреля 2007 г. Анкета была составлена тартускими учеными М. Лауристин, Т. Вихалемм, К. Каллас и В. Якобсон; данные исследования подготовлены к печати А. Сааром. Опрос проводился по репрезентативной выборке (996 эстонцев и 491 неэстонец). Ниже мы приведем некоторые данные опроса, опубликованные на сайте заказчика исследования – бюро министра по делам народонаселения (<http://www.rahvastikuminister.ee>).

Начать, видимо, следует с проблемы переноса «Бронзового солдата». Если 51% опрошенных эстонцев сочли такое решение властей «совершенно верным» и 28% – «скорее верным», то среди неэстонцев так ответили лишь 4 и 7% соответственно. Среди представителей меньшинств 40% респондентов, отвечая на вопрос о верности такого решения, выбрали вариант «скорее нет, нужно было искать другое решение этой проблемы» и 36% – «вообще нет, я полностью против». Столь же диаметрально противоположными были и оценки деятельности правительства по разрешению апрельского кризиса. Если большинство эстонцев оценили ее как очень «очень удачную» (23%) или «скорее удачную» (43%), то ответы неэстонцев были поделены преимущественно между теми, кто считал эту деятельность «совершенно неудачной» (56%) или «скорее неудачной» (28%).

Также заметна поляризация при определении поддержки институтов власти или профессиональных групп, которые так или иначе были вовлечены в кризис. По данным опроса, президенту *полностью* доверяют 73% эстонцев и *вовсе* не доверяют 55% неэстонцев, правительству – соответственно 36 и 58%, а полиции – 60 и 51%. Надо отметить, что до апрельских событий уровень доверия к полиции среди неэстонцев был достаточно высок. И среди эстонцев, и среди неэстонцев было крайне много тех, кто *вовсе* не доверял политикам Эстонии, Евросоюза, США и России.

Взгляды на причины уличных беспорядков у эстонцев и неэстонцев также различаются. Среди представителей этнического большинства самыми популярными (более 70%) были следующие озвученные в СМИ объяснения: деятельность «разжигателей розни» и провокаторов, желание России использовать «Бронзового солдата» для дестабилизации обстановки в Эстонии и демонстрации своего влияния, разные источники информации (СМИ) у эстонцев и русских. Среди неэстонцев эти ответы выбрали соответственно 31, 13 и 36%.

Кроме того, значительная часть *эстонцев* поддержала следующие объяснения:

- различный опыт и воспоминания эстонцев и русских, связанные с войной (65%; у неэстонцев – 38%);
- различное толкование русскими и эстонцами факта присоединения Эстонии к СССР (соответственно 64 и 34%);
- различие между преподаванием истории и граждановедения в школах с русским и эстонским языком обучения (60 и 28%);
- различная оценка русскими и эстонцами результатов пребывания Эстонии в составе СССР (57 и 29%);
- различное отношение эстонцев и русских к советской системе (57 и 31%).

Большинство *неэстонцев* склонно считать, что причиной беспорядков были:

- решение правительства убрать памятник и перезахоронить останки солдат (70%; у эстонцев – 55%);
- то, когда и как был перенесен памятник (соответственно 70 и 32%);
- действия полиции во время беспорядков (63 и 18%);
- противоречивая и недостаточная информация, связанная с намерениями и шагами по переносу «Бронзового солдата» (59 и 44%);
- желание политиков заработать голоса избирателей на переносе «Бронзового солдата» (58 и 20%);
- недостаточное общение между правительством и русскоязычным сообществом (56 и 44%);
- протест против политики эстонского государства в отношении неэстонцев (51 и 24%).

Следующие объяснения пользовались сопоставимо большим уровнем поддержки среди эстонцев, и неэстонцев:

- различное толкование фашизма русскими и эстонцами (эстонцы – 60%, неэстонцы – 50%);
- разная интерпретация эстонцами и русскими собраний русскоговорящих вокруг «Бронзового солдата» (соответственно 44 и 38%);
- конфликт геополитических интересов крупных международных игроков (соответственно 44 и 38%).

Были и варианты ответов, по которым разница набранных голосов между эстонцами и неэстонцами достигала шести раз. Так, 42% эстонцев сочли причиной беспорядков «деятельность российских спецслужб» (против 7% респондентов из числа меньшинств); не согласились с подобным утверждением 13% эстонцев и 71% неэстонцев.

Рассматривая ответы на вопрос, как изменились этнические отношения после апрельских событий, социологи столкнулись с интересным феноменом: больше негативных изменений виделось респондентам «в целом в Эстонии» (в СМИ, политике, общественном сознании), нежели в кругу знакомых или в непосредственно посещаемых общественных местах. О том, что отношения (значительно или частично) ухудшились «в целом в Эстонии», заявили 44% эстонцев и 56% неэстонцев. Если 47% эстонцев убеждены, что «теперь, когда памятник находится на новом месте», кризис (полностью или скорее) разрешился, то среди меньшинств таковых было лишь 22% (против соответственно 36 и 58%).

Респондентов также спросили, будет ли кризис вокруг «Бронзового солдата» иметь долгосрочные последствия для общества Эстонии. Следует отметить следующие обстоятельства, которые, по мнению и эстонских, и неэстонских респондентов, вызваны «в очень значительной степени» апрельским кризисом: недоверие к властям и глубокая обида русскоязычных на правительство (у эстонцев – 25%, у неэстонцев – 63%), усиление давления на Эстонию со стороны России (соответственно 34 и 17%), обострение межнациональных отношений, конфликт между русскими и эстонцами (22 и 26%), негативные последствия для экономики Эстонии (15 и 39%).

Ниже приведем обстоятельства, которые заметная часть неэстонских респондентов (в отличие от эстонцев) сочла «в очень значительной степени» порождением апрельского кризиса:

- негативное влияние на имидж Эстонии (40%);
- подавление свободы мнений, ограничение демократии (46%);
- усиление вмешательства полиции во все сферы деятельности, включая высказывание мнений жителями Эстонии (30%);
- сведение политического выбора людей к их отношению к «Бронзовому солдату» (30%).

Любопытно сравнить предпочтения эстонцев и неэстонцев, которым социологи предлагали пары утверждений, касающиеся интеграционной тематики. Если 62% представителей меньшинств согласны с тем, что «кризис сделал отношение общественности к интеграции резко отрицательным», то 45% эстонцев предпочли вариант: «Кризис создал у общественности Эстонии больший, чем ранее интерес к интеграции». Кроме того, если 59% неэстонцев согласились, что «кризис показал, что нынешняя интеграционная политика полностью неудачна и нет смысла тратить на нее деньги», то 40% и эстонцев, и неэстонцев, тем не менее, согласились, что кризис продемонстрировал необходимость политики интеграции, «но ее следует сделать более содержательной».

Четверть эстонцев и половина неэстонцев уверены, что «кризис разделил эстонцев и русскоязычное население на два отчетливо противостоящих лагеря». Однако 41% эстонцев и 33% неэстонцев предпочли другой вариант ответа: «Кризис выявил, что среди эстонцев и русскоговорящих есть определенная общность людей, между которыми есть взаимопонимание».

Особый интерес в экспертной среде вызвал вопрос о том, как повлияли на кризис средства массовой информации. В целом можно отметить, что подавляющее большинство эстонцев оценили работу эстоноязычных газет, радио и телевидения как объективную и разностороннюю. Русскоязычные респонденты проявили скептицизм, и более половины из них дали высокую оценку только российским телеканалам и местным русским газетам. В целом и эстонцы, и неэстонцы давали умеренно негативную оценку СМИ, выходящим (транслируемым) на другом языке, нежели родной язык респондента. При этом 35% эстонцев и лишь 14% неэстонцев согласились с мнением вице-спикера эстонского парламента К. Оюланд, заявившей, что надо изучить вопрос об ограничении трансляции в Эстонии российского спутникового телевидения.

Вадим Полецук

В основу текста легли бюллетени Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (см. <http://www.eawarn.ru>).

АПРЕЛЬСКИЕ БЕСПОРЯДКИ В ТАЛЛИНЕ: ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Часть I. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

В апреле 2007 г. в эстонской столице имели место массовые акции протеста, переросшие в уличные беспорядки. Они были связаны с решением республиканского правительства перенести с площади Тынисмяги в Таллине памятник, стоящий на могилах советских солдат, павших в 1944 г. в боях с нацистами. Решение об эксгумации останков и переносе памятника было принято вопреки мнению большинства жителей столицы и позиции таллинского муниципалитета. В период 26-29 апреля 2007 г. в вечернее и ночное время в Таллине были задержаны сотни людей, в основном принадлежащих к русскоязычному меньшинству. По официальным данным 26-29 апреля 2007 г. более тысячи человек прошли через специально созданные «фильтрационные пункты» (места временного содержания). Подавляющее большинство задержанных были отпущены под утро без составления протокола о задержании и предъявления каких-либо обвинений.

По прекращению массовых беспорядков руководители страны (премьер-министр, министр юстиции, министр внутренних дел) публично заявили, что во время подавления массовых беспорядков никаких нарушений со стороны полиции не было и быть не могло. Подобные заявления были сделаны, несмотря на то, что в СМИ сразу же появилась информация (включая фото и видеоматериалы) о случаях излишнего применения силы со стороны полиции.

При помощи Центра информации по правам человека порядка 50 лиц, пострадавших от полицейского произвола, подали жалобы в прокуратуру/канцлеру права. Суть этих жалоб можно свести к следующему (см. детали заявлений в части 2):

- При разгоне несанкционированного митинга вечером 26 апреля 2007 г. на Тынисмяги полиция начала применять спецсредства в отношении лиц, которые не вели себя агрессивно. От неадекватно жестких действий полиции пострадали люди, находившиеся недалеко от Тынисмяги вечером 27 апреля 2007 г., в том числе сторонние наблюдатели и даже пешеходы.
- В ночь на 28 и 29 апреля 2007 г. полиция прибегала к задержанию даже случайных прохожих, находившихся в центральной части города. Более того, полиция не уведомляла людей о причине задержания либо предлагала заведомо неприемлемое объяснение. Многие свидетели из числа подвергшихся задержанию жалуются, что им не позволили проинформировать родственников о задержании. Не было этого сделано и сотрудниками правоохранительных органов.
- Большинство свидетелей среди подвергшихся задержанию лиц указывают на то, что полицейские били людей, которые уже находились в беспомощном состоянии. Также ряд свидетелей были вынуждены в вечернее время в апреле лежать на земле (иногда достаточно долго). Имеются свидетельства о грубом обращении с задержанными во время транспортировки и в арестных домах.

- Самое большое число сообщений свидетелей касается условий содержания в т. н. Д-терминале, т. е. в складских помещениях в районе Таллинского порта. Практически все свидетели упоминают, что задержанных заставляли довольно долго сидеть на корточках и со связанными сзади руками – это причиняло физические страдания. Имеется много свидетельств о нанесении сотрудниками правоохранительных органов побоев задержанным, в том числе немотивированных. Некоторые свидетели указывают, что задержанным не давали воды и не всех водили в туалет. Медицинская помощь оказывалась, но с задержками.

1. Эстонское законодательство

Общие принципы, касающиеся рассматриваемой нами темы, содержатся в Конституции Эстонской Республики. Статья 18 основного закона запрещает применение пыток, жестокого или унижающего достоинство обращения или наказания; статья 20 запрещает необоснованное лишение свободы и нарушение права на неприкосновенность личности; статья 21 Конституции предусматривает право на получение информации о причине лишения свободы и на получение разъяснений о правах задержанного, а также предусматривает право задержанного сообщить о лишении свободы своим близким или родственникам (это право, правда, можно ограничить); статья 22 устанавливает принцип презумпции невиновности.

В Эстонии специальные нормы, регулирующие действия полиции, содержатся только в Законе о полиции. Часть 6 статьи 14 этого закона позволяет полиции использовать при выполнении служебных обязанностей спецсредства, холодное и газовое оружие при массовых беспорядках или групповых нарушениях общественного порядка (пункт 4). Спецсредства и оружие можно также применять (пункт 6):

- при задержании правонарушителей;
- при доставке правонарушителей в полицию или служебное помещение и при их конвоировании;
- при защите задержанных;
- в отношении задержанных и взятых под стражу лиц, если они не подчиняются или оказывают сопротивление полицейским или другим лицам, которые выполняют общественные обязанности по защите общественного порядка или по борьбе против преступной деятельности;
- если имеются достаточные основания считать, что задержанные могут сбежать, причинить вред другим лицам, окружающим и самим себе.

Согласно части 8 статьи 14, полицейский может использовать при выполнении служебных обязанностей и для обеспечения собственной безопасности средства индивидуальной защиты и физическую силу.

Важный принцип содержится в части 7 статьи 14 Закона о полиции: при использовании против правонарушителя спецсредств, холодного и газового оружия необходимо учитывать характер правонарушения, личность правонарушителя и конкретные обстоятельства. Также следует избегать причинения здоровью человека большего вреда, чем это неизбежно в конкретном случае.

Согласно частям 1-3 статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса (УПК), по общему правилу в качестве подозреваемого лицо можно задержать до 48 часов, если оно было застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; если очевидцы или потерпевшие указывают на данное лицо как на совершившее преступление; либо если следы преступления ведут к данному лицу как к совершившему преступление. В иных случаях лицо может быть задержано, если оно покушалось на побег; не установлена его личность; если оно может продолжать совершать преступления; может скрыться от производства по делу или воспрепятствовать ему иным образом. О задержании составляется протокол.

Часть 10 статьи 217 УПК гарантирует задержанному в качестве подозреваемого возможность передать через ведущее производство лицо сообщение о своем задержании хотя бы одному близкому человеку. В этом праве может быть отказано с разрешения прокуратуры, только если передача такой информации может нанести вред производству по уголовному делу.

Нарушение указанных в Законе о полиции и УПК требований со стороны официальных лиц может подпадать под действие следующих статей Уголовного кодекса:

- Статья 118. Причинение тяжкого вреда здоровью
- Статья 121. Применение физического насилия
- Статья 122. Истязание
- Статья 136. Лишение свободы без законного основания
- Статья 291. Превышение власти
- Статья 324. Незаконное обращение с заключенным, арестованным или заключенным под стражу

Участники массовых беспорядков могут преследоваться на основании следующих положений Уголовного кодекса:

- Статья 149. Оскорбление памяти усопшего
- Статья 231. Насильственные действия, направленные против независимости и суверенитета Эстонской Республики
- Статья 233. Ненасильственные действия иностранца, направленные против независимости и суверенитета Эстонской Республики
- Статья 238. Организация массовых беспорядков
- Статья 239. Совершение виновных деяний во время массовых беспорядков
- Статья 262. Нарушение общественного порядка
- Статья 263. Грубое нарушение общественного порядка
- Статья 275. Поношение и оскорбление представителя власти или иного лица, охраняющего общественный порядок
- Статья 276. Игнорирование законного распоряжения представителя власти.

2. Международное законодательство

Ряд международных документов дает ценные указания национальным правительствам о нормах и стандартах поведения в условиях массовых беспорядков.

Международный пакт о гражданских и политических правах. Европейская конвенция о правах человека. Статья 7 Пакта и статья 3 Конвенции гласят, что никто не дол-

жен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию.

Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Часть 2 статьи 3 Конвенции гласит, что «никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток». Под пытками Конвенция понимает «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия» (часть 1 статьи 1).

Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г. Статья 3 Кодекса позволяет должностным лицам по поддержанию правопорядка применять силу только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей. Согласно статье 5, ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может осуществлять, подстрекать или терпимо относиться к любому действию, представляющему собой пытку или жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания.

Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, утвержденный резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 г. Кроме прочего, Свод гарантирует задержанным гуманное и достойное обращение (принцип 1); устанавливает, что никакие обстоятельства не могут служить оправданием для применения пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (принцип 6); требует, чтобы каждому арестованному сообщались при аресте причины его ареста и без промедления сообщалось любое предъявленное ему обвинение (принцип 10); устанавливает требования к составлению протокола задержания (принцип 12); устанавливает, что задержанному или находящемуся в заключении лицу предоставляется возможность пройти надлежащее медицинское обследование в возможно кратчайшие сроки после его прибытия в место задержания или заключения; впоследствии ему предоставляется медицинское обслуживание и лечение всякий раз, когда в этом возникает необходимость (принцип 24).

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 г. Пункт 92 Правил четко устанавливает, что «подследственные заключенные должны иметь возможность немедленно информировать семью о факте их заключения, пользоваться разумной возможностью общения с родственниками и друзьями и принимать их в тюрьме, подвергаясь при этом только тем ограничениям и надзору, которые необходимы для должного отправления правосудия, соблюдения требований безопасности и обеспечения нормальной работы заведения».

Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, принятые восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1990 г. Статья 4 Основных принципов указывает, что «должностные лица по поддержанию правопорядка при осуществлении своих функций, насколько это возможно, используют ненасильственные средства до вынужденного применения силы или огнестрельного оружия. Они могут применять силу и огнестрельное оружие только в тех случаях, когда другие средства являются неэффективными или не дают каких-либо надежд на достижение намеченного результата».

3. Стандартные мотивировки отказа в возбуждении уголовного производства

По эстонскому законодательству отказ в возбуждении уголовного производства префектурой полиции можно оспорить в окружной прокуратуре, негативное решение окружной прокуратуры – в государственной прокуратуре, постановление которой – только путем подачи через адвоката жалобы в Окружной суд. Соответствующее определение окружного суда является окончательным и обжалованию не подлежит (части 1 и 2 статьи 207, часть 1 статьи 208 и пункт 8 статьи 385 УПК). Следует отметить, что у жалобщиков возникали проблемы с поиском адвокатов, многие из которых не хотели браться за такие дела, боясь испортить отношения с властями.

Мотивировки отказов из полиции и прокуратуры (а позже и Окружного суда) были типовыми:

- С учетом событий в Эстонской Республике 27 апреля 2007 г., полиция должна была обеспечить внутреннюю безопасность государства и общественный порядок.
- Поскольку речь шла о скоплении больших масс народа и о необходимости обеспечения общественного порядка в период волнений, у полиции было право применять силу и спецсредства. Вариант: жалобщик не подчинился законному распоряжению полицейских покинуть место несанкционированного массового собрания, и те были вынуждены применять против него силу/спецсредства.
- Ситуация в местах временного содержания была крайне сложной. Полицейские были вынуждены применять силу/спецсредства для обеспечения контроля над ситуацией.
- Жалобщик мог пострадать от рук «сообщников»/третьих лиц в условиях уличных беспорядков. Вариант: жалобщик не доказал/недостаточно убедительно доказал наличие у него телесных повреждений.

Таким образом, отказы в возбуждении уголовного производства, как правило, базировались на одной из следующих убежденностей:

- податель жалобы является правонарушителем, против которого законно применили силу/спецсредства;
- сообщая о причинении телесных повреждений, жалобщик действует недобросовестно;

- во всех без исключений случаях использование силы со стороны полиции было обоснованным;
- любые совершенные полицией действия можно оправдать ссылкой на особую ситуацию в стране в конце апреля 2007 г.

Примеры процессуальных действий, которые не были выполнены в отношении жалобщиков:

- допрос подателя жалобы;
- приобщение и осмотр видеозаписи (официальной/СМИ), которая проводилась при проведении полицейской операции/на месте задержания жалобщика;
- затребование и приобщение материалов по задержанию;
- допрос медицинских работников, находившихся в местах временного содержания;
- допросы медицинских работников «скорой помощи», госпитализировавших жалобщика/допрос лечащего врача;
- назначение судебно-медицинской экспертизы;
- установление и допросы свидетелей задержания/содержания в заключении и т. п.

Можно смело утверждать, что индивидуальные особенности каждого заявления никто не анализировал.

После того, как окружной суд своими определениями также отказался удовлетворить жалобы, поданные по случаям отказа в возбуждении уголовного производства, все внутренние средства защиты оказались исчерпаны. Теперь жалобщикам остается искать справедливости в Европейском суде по правам человека.

Часть II. ОБЗОР ЖАЛОБ НА ДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Начиная с 30 апреля 2007 г. Центр информации по правам человека начал принимать на «горячую линию» сообщения от людей, которые считали себя жертвами действий полиции в ходе разгона митинга на Тынисмяги 26 апреля 2007 г., а также в ходе подавления начавшихся затем беспорядков. Всего было зафиксировано более 50 обращений, большинство которых было позднее при помощи сотрудников Центра оформлено в виде официальных жалоб канцлеру права и/или в прокуратуру.

Ниже дан обзор содержания жалоб, выполненный на основании 35 заявлений, большая часть которых были составлены для канцлера права или прокуратуры. Копии всех этих заявлений, подписанные жалобщиками и содержащие их контактные данные, имеются в архиве Центра. Были отобраны лишь заявления, касающиеся событий в городе Таллине 26-29 апреля 2007 г. Следует иметь в виду, что все приведенные в заявлениях утверждения являются именно утверждениями частных лиц, которые так и не были подтверждены либо опровергнуты в ходе судебных процедур.

Каждое заявление состояло из ряда утверждений, касающихся лично жалобщика или событий, которым он/а стал/а свидетелем (утверждениям первого вида отдавалось предпочтение). Текст каждого заявления был разбит на «сюжеты», касающиеся того или иного аспекта работы правоохранительных органов в чрезвычайной ситуации. По возможности текст заявлений оставлялся без изменений (однако исправлялись грубые грамматические ошибки и написание топонимов). Мы также не меняли использовавшуюся авторами заявлений терминологию («спецназ» и т. п.). Высказывания эмоционального характера по возможности исключались.

Центр информации по правам человека признает, что заявления, на основании которых составлен данный обзор, не могут дать полной картины произошедшего по следующим причинам:

- В обзоре не представлена позиция правоохранительных органов. В то же время следует сказать, что правоохранительные органы отказались возбуждать уголовные производства по приведенным в заявлениях фактам, что лишило нас возможности добиться их анализа в ходе беспристрастного расследования.
- Излишняя политизация вопроса привела к тому, что среди заявителей, обратившихся в нашу организацию, не было ни одного эстонца. О схожем негативном опыте жертв эстонской национальности известно только из публикаций СМИ.
- В создавшихся условиях лишь лица, которые считают себя абсолютно невиновными в каких-либо правонарушениях, составляли заявления, которые и стали основанием для данного обзора. Так, уголовное или административное производство было начато в отношении лишь нескольких человек из более чем трех десятков заявителей. Это определяет и крайне «обвинительный» настрой авторов заявлений.

1. Разгон митинга на Тынисмяги вечером 26 апреля 2007 года

Митинг вечером 26 апреля 2007 года на Тынисмяги не был санкционирован. Очевидно, что собравшиеся там люди не реагировали на призывы полиции разойтись. Тем не менее ряд свидетелей утверждает, что полиция начала применять спецсредства в отношении лиц, которые не вели себя агрессивно.

Свидетельница (68 лет): «Я стояла возле продуктового магазина, когда полиция внезапно атаковала мирно стоящих людей и стала применять силу и спецсредства – слезоточивый газ, резиновые пули и т.п. . . . Поскольку людей было много, у меня не было возможности покинуть место событий. Я получила рану на правой руке в районе кисти, рану на щеке, голове и левом плече в результате многочисленных ударов дубинкой».

Свидетельница (36 лет): «После того, как призывы полиции разойтись не возымели должного действия, полиция пустила в ход дубинки, слезоточивый газ и дымовые шашки. Еще не было разбито ни одного стекла, когда нас стали избивать дубинками. Мы бежали, и сзади со спины наносились удары дубинками. Они наносились абсолютно всем: и женщинам, и детям, и молодым, и старым».

Свидетель (56 лет): «Я находился у памятника на Тынисмяги и наблюдал за работами по перезахоронению. Потом я отошел на улицу Эндла и стоял возле светофора. Недалеко от меня находились полицейские, а позади них стоял офицер с рацией. Ему поступила какая-то команда, он что-то крикнул, и они достали дубинки. Всё началось мгновенно, они стали бить всех подряд, без разбору и куда попало. Меня ударили дубинкой по голове. Мне разбили голову, я упал, меня подхватили люди и отвели в сторону. Мы позвонили в «скорую», но они отказались приехать на площадь Тынисмяги. Через полчаса мне всё-таки оказали помощь. Мне наложили швы на голову. У меня теперь на голове шрам 10 см».

Свидетель (33 года): «26 апреля 2007 года, возвращаясь домой с работы, на улице Тынисмяги я попал в толпу. . . . Сотрудник спецназа, вооруженный дубинкой, подбежал ко мне и жестом показал мне двигаться за толпой. Но не успел я сделать несколько шагов, как был сбит ударами по спине и по голове дубинками».

2. Разгон людей, собравшихся около Тынисмяги 27 апреля 2007 года

Ряд свидетелей утверждает, что 27 апреля 2007 года полиция агрессивно вела себя с людьми, находившимися недалеко от Тынисмяги, и что пострадало немало сторонних наблюдателей.

Свидетель (29 лет): «Около 20:00 я пришел на бульвар Каарли в качестве репортера, имея при себе фотоаппарат и репортерское удостоверение, и пробыл там примерно до 22:00. Я стал свидетелем того, как полицейские гнали собравшихся людей по бульвару Каарли и проезжей части слева от нее (если стоять лицом к церкви) в направлении подземного перехода. Располагающийся в конце бульвара Каарли вход в подземный переход был заблаговременно заблокирован. Собравшиеся растянулись по всему бульвару Каарли. По моим наблюдениям, наиболее энергичные и агрессивно настроенные люди находились «в первых рядах»,

то есть ближе к церкви Каарли и горке Тынисмяги, в то время как ближе к Вабадузе вальяк располагались наблюдатели и зеваки, которые не совершали никаких противоправных действий, более того, не имели возможности их совершить (до полицейских оттуда слишком далеко). В какой-то момент (предположительно около 21:45) полицейские со спецсредствами (каска и прозрачные щиты, по которым они били дубинками, видимо, для устрашения) побежали на собравшихся, двигаясь в направлении от Тынисмяги к Вабадузе вальяк по проезжей части – к тому времени дорога была перекрыта. Собравшиеся, в свою очередь, побежали к Вабадузе вальяк и столкнулись с цепочкой полицейских (далее – спецназ, хотя я не уверен, что это он) в черной одежде – в отличие от полицейских, наступавших со стороны Тынисмяги, которые были в светящихся желтых жилетах. Спецназ расположился цепочкой наперерез бежавшим людям, перекрывая им путь к Вабадузе вальяк. Благодаря черной форме он был почти незаметен. Я видел, что первыми до спецназа добежали именно наблюдатели и зеваки. Спецназ с ними не церемонился: первых добежавших не выпустили из «кольца», их отталкивали, на них орали по-русски «Назад!» и «Вниз!», что можно было расценить как приказ упасть на землю или асфальт. Если люди не подчинялись, то есть не падали на землю, их без предупреждения били дубинками (подчеркну: без какой-либо агрессии со стороны этих людей), сбивали на землю, связывали руки за спиной и опять били дубинками. Если люди подчинялись, происходило то же самое: им связывали руки и иногда били, видимо, для устрашения... Часть из них, видя, что происходит, пыталась прорваться сквозь цепочку спецназа. Некоторым это удалось. Повторю: спецназ жестоко расправлялся именно с теми, кто был «в задних рядах», то есть просто стоял и наблюдал за происходящим. Иногда спецназовцы набрасывались по двое-трое на человека. Спецназовцы явно отдавали себе отчет в своих действиях».

Свидетель (31 год): «Я находился возле Часов свободы на Вабадузе вальяк и производил фото и видеосъемку. В 22:28 подбежавший со спины сотрудник полиции специального назначения ударил меня по опорной ноге дубинкой. Я был трезв, правопорядок не нарушал, среди окружавших меня никаких агрессивных людей не было, равно как и тех, кого можно было принять за хулиганов и погромщиков».

Свидетель (43 года): «Примерно в 21:15 я присел на скамейку на бульваре Каарли, чтобы отдохнуть. На скамейке рядом со мной никого не было. Ко мне подошли двое сотрудников полиции без опознавательных знаков и в грубой форме потребовали покинуть это место. После моего вопроса, в какую сторону лучше идти, полицейские сбили меня с ног и стали избивать в течение 2-3 минут».

3. Задержания 27/28 апреля: принципы задержания

На основании многочисленных свидетельств можно сделать вывод, что вечером 27 апреля и ночью 28 апреля 2007 года полиция прибегала к задержанию даже случайных прохожих, находившихся в центральной части города. Более того, полиция не уведомляла людей о причине задержания либо предлагала заведомо неприемлемое объяснение. Немало случайных лиц было задержано, так как именно они в отличие от правонарушителей не скрывались при виде полиции. Официального запрета посещать Старый город не было. Там работали бары и рестораны.

Свидетель (47 лет): «В 23:30, когда мы с женой шли в центре Таллина по улице Виру, полиция оцепила весь квартал и хватала всех подряд. Те, кто в это время громили витрины, воспользовались переулками и благополучно скрылись. Оставшихся, которые полагали, что бежать – это провоцировать к задержанию, ударами по ногам повалили на землю лицом вниз и надели пластиковые наручники. Рядом со мной оказался эстонец, который начал по-эстонски что-то объяснять полиции, и его отпустили».

Свидетель (30 лет): Около полуночи «я и мой брат перешли Пярну маантеэ (она была перекрыта полицией) и вышли на улицу Георга Отса, намериваясь обойти район, оцепленный полицией. Мы услышали сзади крики и топот. Я заметил, что несколько сотрудников полиции бегут к брату. Мы не пытались бежать. Я подумал, что это недоразумение, но, поравнявшись с братом, первый из полицейских сходу нанес ему удар дубинкой по голове, и брат упал. В эту минуту меня тоже ударили по голове... На мой вопрос («За что нас избили?») полицейский, который бил брата, сказал, что у нас руки в крови и следовательно мы били витрины. Я его сначала не понял, но когда нас посадили в автобус, то почувствовал кровь, текущую из шеи. Руки мы испачкали, когда лежали на тротуаре и держали их за головой. До этого руки были чистыми».

Свидетель (43 года): «Когда меня повели на установление личности, на мой вопрос о причине задержания полицейский мне ответил, что я сам виноват в этом».

Свидетель (21 год): «Проводив девушку, я отправился пешком домой. В 2 часа ночи я находился на углу улиц Виру и Пярну маантеэ. Шел один, не нарушая общественного порядка. Раздались крики полицейских, и они побежали. Я не понял, что это относится ко мне, ведь я просто шел домой. Увидев, что в мою сторону бегут двое полицейских, я остановился, поднял руки и, подчинившись приказу, лег на землю, при этом разбил подбородок об асфальт, т. к. меня толкнули». (*События в ночь на 27 апреля*).

Свидетель (14 лет): «Примерно в 19:30 в районе улицы Туукри я шел домой. Впереди меня шли трое молодых парней (примерно 15-16 лет). Навстречу двигался автобус... Из него выскочили полицейские, более 15 человек, заломили этим парням руки и, надев наручники, повалили их на землю. Я испугался и побежал к остановке автобуса на Нарва маантеэ. Меня догнал полицейский, схватил за шиворот и потащил к месту, где лежали ребята. Там меня повалили, сильно прижали грудь коленом, надели пластмассовые ремешки на руки».

Свидетель (32 года): «Примерно между 23 и 24 часами я проходил через Ратушную площадь в сторону улицы Виру (шел домой). Со мной было трое моих знакомых, с которыми я учусь в университете. Все были абсолютно трезвые, не агрессивные, ничего не кричали. На Ратушной площади было мало народу. Навстречу нам шла группа полицейских (15-20 человек). Так как мы не участвовали ни в каких митингах и нам нечего было бояться, то мы просто пошли дальше. Неожиданно один из полицейских что-то крикнул, и они на нас напали... На мой вопрос: «Почему нас задержали?» был дан грубый ответ: «Надо сидеть дома!»... Мне ответили, что нас везут в «фильтрационный лагерь»».

Свидетель (32 года): В Д-терминале «я пытался узнать, за что меня задержали. Но в ответ на меня только кричали».

Свидетель (30 лет): «Когда меня отпустили, то я спросил, в чем моя вина. Мне ответили, что я оказался не в том месте и не в то время».

Свидетель (33 года): «27 апреля исполнялось 2 недели моему ребёнку. Я работаю в транспортно-портной фирме. В этот день смена закончилась в 22:30... Мы хотели купить в цветочном киоске цветы, чтобы поздравить жену. В манифестации возле Бронзового солдата участие не принимали, и даже не было таких мыслей. Приблизительно в 00:20 мы стояли около клуба «Венус» и разговаривали. Внезапно вокруг появились полицейские. Двое набросились на меня и без объяснений причин заломили руки, связали их строительной стяжкой и бросили лицом на асфальт».

Свидетели (оба 30 лет): «Около 23:45 мы вышли из ресторана «Биерхаус» и пошли в сторону площади Вабадузе (у нас была припаркована машина возле «Кристийне кескус»). В конце улицы Харью мы вышли к полицейскому заклону. Проходя мимо полицейских, спросили, где можно пройти в сторону Кристийне. Нам никто не ответил, и мы пошли вниз по улице Мюйривахе. Мы слышали сзади крики и топот. Заметил, что несколько сотрудников полиции бегут в нашем направлении. Мы не пытались бежать. Подумали, что это недоразумение. Поравнявшись с нами, полицейские с ходу начали нас избивать дубинками по голове и спине. Повалили на землю. Мы лежали на тротуаре лицом вниз, держа руки за головой. Нам сказали, чтобы мы убрали руки за спину, после чего нам их связали. Мы спрашивали, за что нас бьют, ведь мы не делали ничего противоправного и не сопротивляемся».

4. Задержания 28/29 апреля: принципы задержания

Учитывая имеющиеся свидетельства, есть основания считать, что вечером 28 апреля и в ночь на 29 апреля 2007 года полиция в «профилактических целях» задерживала находившихся в Старом городе лиц, говоривших по-русски. Официального запрета посещать Старый город не было (однако в СМИ к тому времени были озвучены подобные просьбы некоторых официальных лиц). Продолжали работу большинство баров и ресторанов.

Свидетель (36 лет): «Ко мне подошел полицейский и спросил документы. Я предъявил ему ID-карту. Он спросил, какое у меня гражданство. «Какая разница?» – ответил я. «Сейчас узнаешь», – был его ответ, и мне на руки намотали пленку... Под утро в камере я спросил, почему меня задержали. Мне ответили, что не стоило выходить из дому до 9-го мая».

Свидетель (22 года): «Находясь недалеко от «Хесбургера», что в Старом городе увидели полицейских. Они к нам подошли и спросили документы. Мы показали. После этого нас повернули спиной и стали обыскивать. Не найдя ничего противозаконного, нам начали вязать руки хомутами. Я начал возмущаться, говорить, что они не имеют права, что нас не за что задерживать, что это незаконно. На это один полицейский сказал по-русски с эстонским акцентом: «Заткнись!»... Продержали в камере с 23 часов до 8 утра. При выходе возвращали вещи, и приходилось подписывать бумагу, где значилось: «Вещи получил, претензий не имею»».

5. Задержания 27/28 апреля: методы задержания

Большинство свидетелей из числа подвергшихся задержанию лиц указывают на то, что полицейские били людей, которые уже находились в беспомощном состоянии. Также ряд свидетелей были вынуждены в вечернее время в апреле лежать на земле (иногда достаточно долго). Полиция использовала в качестве наручников пластиковые стяжки (которые свидетели называют по-разному).

Свидетельница (50 лет): «Я встретила с дочерью [23 лет] в центре города. Примерно в 21:30 мы пересекли Вабадузе вяльяк. На тротуаре за подземным переходом нас остановили люди в черной форме. Отряд людей в черной форме перегородил нам дорогу и без предупреждения выпустил на нас газ. Затем полицейские повалили нас на землю и стянули руки за спиной пластиковой стяжкой. Дочь оказалась лицом на асфальте... Я пыталась повернуться набок, чтобы хотя бы выплюнуть землю изо рта. Ко мне подскочил полицейский и стал бить ногами с требованием лежать. Видимо, именно тогда был сломан палец правой руки. Мы пролежали на земле 15-20 минут».

Свидетельница (18 лет): «... Мы сами подчинились полиции, легли на землю, но нас все равно избили, при этом наши руки были связаны. Я пролежала на асфальте более 30 минут, затем еще полчаса на газоне перед зданием КаПо. Все это время руки были связаны» (события в ночь на 27 апреля).

Свидетель (21 год): «Лежали лицом вниз более получаса. Одному из полицейских не понравилось, как я лежу, и он дважды ударил сапогом по ноге. На ноге остались ссадины и кровоподтеки. На попытки спросить или сказать что-нибудь отвечали нецензурной бранью, унижающей человеческое достоинство, и жестокими ударами».

Свидетель (18 лет): «Нам связали руки строительной лентой. Мне сдавили ленту особенно сильно, руки занемели. Во время связывания меня очень сильно ударили дубинкой по спине... Десять минут лежали на холодной земле. Потом нас начали поднимать и стаскивать с горки вниз. Внизу меня положили еще на 30 минут на асфальт. Потом приехал автобус и увез 20 человек. Мы еще лежали. Потом приехала полицейская машина, и туда посадили еще 6 человек, в том числе и меня».

Свидетель (52 года): «В промежутке между 17 и 18 часами я находился на бульваре Каарли, так как направлялся к кассам Русского драмтеатра. По обе стороны бульвара стояли полицейские, а на тротуаре находилось много людей. Обстановка была спокойная. Я ступил немного на проезжую часть, чтобы спросить, как лучше перейти бульвар. В это время ко мне бросился полицейский, затем еще двое. Они заломили мне руки и швырнули на газон, затем три раза ударили меня, уже лежащего, дубинкой и ногой. Удары пришлись с правой стороны: по предплечью, бедру и стопе. Я потерял сознание и очнулся, когда подъехала полицейская машина».

Мать свидетеля 14 лет: «Примерно в 18 часов мой сын возвращался из школы домой. Он сел на автобус №40. На Вабадузе вяльяк образовалась сильная пробка, и было перекрыто движение. Он решил выйти из автобуса и пройти пешком через парк и выйти около гостиницы «Таллинн», там сесть на автобус №40 или №59. Но около кафе

«Москва» была взорвана дымовая шашка и все побежали. Там его поймал полицейский, приказал сесть на асфальт и ждать полицейскую машину. Когда машина подъехала, ему заломили руку за спину, ударили кулаком в плечо и повели к полицейской машине, после чего он сильно испугался и расплакался. Так как в машине не оказалось мест, ему связали руки строительной пластиковой стяжкой и приказали ждать другую машину». *(Ребенка из рук полиции позднее вырвала пожилая женщина; есть фото и видеоматериалы).*

Свидетель (32 года): «Приблизительно в 20:00 мы решили поехать в город, отдохнуть в баре в Старом городе. На троллейбусе №5 от остановки «Лилле» доехали до остановки «Хотель Таллинн». После 21.00 от этой остановки мы пошли вверх по Фалги теэ, чтобы выйти к лестнице, ведущей на Вабадузе вяльяк. Где-то на середине улице Фалги навстречу нам побежала толпа подростков, преследуемая полицией в черной форме в масках и бронежилетах. Мы отошли с пути толпы на обочину. Полицейские и большая часть людей пробежала мимо. Мы хотели продолжить прогулку и уже пошли дальше, как внезапно я почувствовал сильный удар по ногам. От неожиданности упал на колени. Попытался встать, но ещё получил два удара по ногам. На меня навалились несколько полицейских, связали руки за спиной и стали избивать металлическими дубинками. Получил удары по голове, рукам, спине и животу».

Свидетель (38 лет): «Около 23 часов находился в Таллине на Вабадузе вяльяк и мирно беседовал со знакомыми. В это время начали раздаваться хлопки и весь народ, который там находился, побежал в разные стороны. Ко мне подбежал полицейский и начал без причины бить меня резиновой дубинкой по спине... Из-за боли от ударов я попытался бежать. Я не понимал, что происходит и почему меня избивают полицейские. Споткнувшись, я упал и почувствовал, что на меня кто-то навалился и стал методично бить по спине и голове чем-то (как потом оказалось, это были полицейские). Когда я очнулся, то почувствовал, что меня переносят куда-то, причем руки у меня были застегнуты сзади».

Свидетель (29 лет): «Приблизительно в 21:30 я находился возле теннисных кортов недалеко от горки Харью. На меня неожиданно напали полицейские. Ничего не объяснили, избили, сломали руку, положили на асфальт и связали сзади руки. Три человека били по голове дубинками и ногами. Я прикрывал голову рукой, и она была сломана».

Свидетель (33 года): «Минут через пять меня перетаскивали ближе к остановке, где уже лежало человек 10-15. Всё это время всех нас заставляли смотреть в асфальт. Парня рядом со мной полицейский ударил ногой по ребрам за то, что он просто поднял голову и посмотрел в сторону».

Свидетель (18 лет): «Мы увидели, что поперек дороги, возле башни Кик-ин-де-Кек стоят человек 30 полицейских. Мы подошли к ним и спросили, как нам пройти до театра «Эстония», так как я опаздывал на последнюю маршрутку. Они нам посоветовали идти вниз к Вабадузе вяльяк. Мы отошли от них метров на 10 и увидели, как на нас со стороны Вабадузе вяльяк бегут полицейские с ружьями, стреляя резиновыми пулями. Я поднял руки и стал кричать «Не стреляйте!» В толпе возле меня были женщины и дети. Потом к нам подбежали и стали кричать по-эстонски, чтобы мы легли. Мы не понимали, что от нас хотят, и нас начали избивать. Потом один полицейский догадался сказать по-русски: «Лежать! Лицом вниз!»»

6. Задержания 26-28 апреля: транспортировка

Имеются свидетельства о грубом обращении с задержанными во время транспортировки.

Свидетель (22 года): «Потом приехал гражданский микроавтобус красного цвета, нас кинули на пол в машину».

Свидетельница (50 лет): «Затем приехал автобус, и нам приказали вставать и идти в него. Автобус был забит людьми до отказа. Мы спрашивали, за что нас задержали. Ответа не было».

Свидетель (29 лет): «Автобус был набит людьми. Полицейские избивали всех. Тех, кто заявлял о своих правах, били с особой жестокостью».

Свидетель (14 лет): «Затем нас потащили в автобус, где приказали сесть на пол со связанными за спину руками. Возле магазина «Ласте маайльм» затащили финна 19-20 лет. Потом еще одного эстонца, который сильно ругался на полицейских. Они стали бить его дубинками по голове, до крови».

Свидетель (21 год): «Потом приехала машина, и нас повезли неизвестно куда и зачем... На самом деле я узнал, где находился, только после того, как был отпущен».

7. Арестный дом на Рахумяэ и здание суда на Лийвалайа 26-27 апреля 2007 года: условия содержания

Имеются свидетельства о том, что во время беспорядков задержанных держали в переполненных камерах. Также сообщалось о побоях. Имеется и одно свидетельство, касающееся медицинской помощи.

Свидетельница (18 лет): «Нас было 6 человек в четырехместной камере. В камере не было никаких туалетных принадлежностей и матрасов, а только железные нары. Было очень холодно». (*Арестный дом на Рахумяэ*).

Свидетель (21 год): «Меня поместили в камеру. Никто ничего не объяснял. Люди все прибывали в камеру. Там было 4 топчана, но вскоре оказалось 20 человек». (*Арестный дом на Рахумяэ*).

Свидетель (25 лет): «Камера, в которой меня разместили, была четырехместная, но в ней находилось 18 человек». (*Арестный дом на Рахумяэ*).

Свидетель (20 лет): «В камере, рассчитанной на двоих, было 7 человек. Воздуха в камере было мало». (*Здание суда на Лийвалайа*).

Свидетель (36 лет): «Когда открыли двери автобуса, я увидел ряд полицейских, которые пинками и ударами погнали нас в подвал. В подвале было много людей: некоторые стояли лицом к стене, некоторые были на полу, многие без сознания. Меня поставили к стене, но когда я попытался размять ноги, меня повалили на пол. Началось избивание, которое отличалось особой жестокостью, как будто хотели унижить и растоптать. Били по голове, тянули в разные стороны ноги, садились на тело. Все сопровождалось ужас-

ными криками и шумом. Через полчаса меня отвели в камеру... Когда меня отпустили, я вышел на улицу и понял, что находился в здании суда на Лийвалайа».

Свидетельница (41 год): «Когда нас привезли в ангар здания суда на Лийвалайа, то стяжку на ногах убрали, поставили лицом к стене. Минут через пятнадцать расстегнули и руки. В ангаре я простояла примерно до четырех часов утра. Было очень холодно, сильно замерзли ноги. Сесть мне не разрешали. Я пыталась объяснить, что у меня больная нога (после сложного перелома там стоит металлический штырь). В ответ женщина полицейский ответила, что мне вообще тут не жить».

Свидетель (25 лет): «В камере мне стало плохо, так как у меня язва желудка (есть история болезни). Меня рвало. Мы попросили врача. Пришла врач, дала таблетку и в грубой форме сказала, что язва – это не такая уж страшная штука и что мне надо меньше пить спиртного. Я потребовал, чтобы у меня взяли анализ крови на содержание в ней алкоголя, в чем мне было отказано... Примерно через три часа у меня опять начались приступы. Мы вновь попросили врача, но тот так и не пришел в камеру. Это могут подтвердить все, находившиеся в камере». (*Арестный дом на Рахумяэ*).

8. «Д-терминал»: условия содержания

Самое большое число сообщений свидетелей касается условий содержания в т. н.

Д-терминале, т. е. в складских помещениях в районе Таллинского порта. Целесообразно разделить их на несколько групп.

8.1 Сидение на корточках; связанные руки

Практически все свидетели упоминают, что задержанных заставляли сидеть на корточках и со связанными руками, что причиняло физические страдания.

Свидетель (30 лет): «Кто-то сзади предложил сесть, но я отказался, так как пол был грязный. Оказалось, что люди сидят не по своей воле: меня потянули за воротник и ударили по ногам, опрокинув на спину».

Свидетельница (50 лет): «Нас заставляли сидеть на корточках. Через какое-то время женщин стали охранять женщины-полицейские. Появилась возможность встать: они с этим мирились. Мужчинам это не позволялось. Мужчин избивали лежащих, со связанными руками. Тех, кто после этого не мог двигаться, выносили волоком за ноги».

Свидетель (43 года): «Меня вместе с другими задержанными сотрудники полиции заставили с применением силы сидеть на коленях или на корточках в течение почти 6 часов на холодном бетонном полу, при этом мои руки были скованы наручниками. Мне запрещали вставать, чтобы размять ноги. Если же я или кто-то другой из задержанных делал попытку встать, нас жестоко избивали».

Свидетель (14 лет): «Нас привезли в Д-терминал, посадили на бетон, наручники сняли спустя примерно 3 часа. Рядом лежал без движения мужчина, руки в наручниках были посиневшими. Другой мужчина просил снять наручники – рук уже не чувствовал. Двое полицейских подошли к нему и затянули ремешки еще туже. Мужчина кричал: «Больно, что вы делаете?» Тогда полицейские схватили его за шиворот, потащили в угол, где стали бить дубинками».

- Свидетель (47 лет): «Сидеть на корточках в пыли было очень неудобно. Через 10 минут ноги затекали, но попытка встать пресекалась ударами резиновой дубинки и ногами... Среди полицейских ходили также люди, одетые по-обычному. Видимо, это был «Кайтселийт». Когда один из них приказал мне по-эстонски «Вниз!», я спросил, кто он такой и почему я должен ему подчиняться. Он повалил меня, связанного, на пыльный пол и стал бить ногами в живот (повредил швы, наложенные после операции несколько лет назад). После все они надели светоотражающие жилеты, наверное, чтобы хоть как-то походить на полицейских».
- Свидетель (18 лет): «Вставать нам не давали. Когда мы вставали размять ноги, нас избивали люди в черной форме из спецназа. Не давали даже сидеть».
- Свидетель (29 лет): «Нас посадили на корточки и запретили вставать. Тех, кто вставал, жестоко избивали... Если кто-то развязывался, то его перевязывали на полчаса так сильно, что немели руки».
- Свидетель (43 года): «Поскольку мои руки были скованы наручниками в течение уже четырех часов, я обратился к сотрудникам полиции с просьбой сковать мне руки на груди или хотя бы ослабить наручники. Их ответом на мою просьбу был смех».
- Свидетель (32 года): «Мне запрещали вставать, чтобы размять ноги. Если же я или кто-то другой из задержанных делала попытку встать, нас жестоко избивали дубинками, били по ногам, по ребрам, в пах».
- Свидетель (32 года): «... Мне приказали сесть на колени. Я сказал, что когда меня задерживали, то отбили ногу и сидеть я не могу. За это меня ударили дубинкой в солнечное сплетение и силой усадили на очень грязный бетонный пол. Я запомнил этого полицейского – это был коротко стриженный небольшого роста молодой человек».
- Свидетель (33 года): «Через три часа разрешили вставать на 15 секунд».
- Свидетель (18 лет): «Я несколько раз просил поменять мне наручники. Этого сделано не было. Когда мне снимали наручники, то не могли их разрезать – так туго они были затянуты. Их снимали 20 минут, выкручивая мне руки».

8.2 Физическое воздействие на задержанных

Чрезвычайно много свидетельств касается нанесения сотрудниками правоохранительных органов побоев задержанным (часть таких случаев приведена в предыдущем разделе «Сидение на корточках; связанные руки»). Ряд свидетелей указывают на немотивированный характер физического воздействия на задержанных. Восемь свидетелей упомянули избивание пожилого иностранца/немца, который что-то потребовал у охранников. Эти и другие повторяющиеся конкретные свидетельства приводятся только по одному разу, хотя не исключено, что некоторые «истории» могут повторяться.

- Свидетель (32 года): «Полицейские прохаживались мимо и били задержанных дубинками, если те пытались спросить их о чем-то или если просились в туалет».
- Свидетель (32 года): «В ангаре была железная решетка, в которой уже находилось человек десять. В эту решетку сажали людей, которые не желали садиться и там 3-4 полицейских их избивали. Особенно жестокими были люди в черной униформе, в масках и с надписью на спине «Оперативгрупп»».
- Свидетель (43 года): «На моих глазах полицейские из тюремного спецназа избивали задержанного до бессознательного состояния, отволокли его к стене и оставили лежать в луже собственной крови».

- Свидетель (30 лет): «Мне помогли подняться и отвели в другой конец ангара, где я просидел около четырех часов, наблюдая за тем, как сотрудники полиции избивают людей».
- Свидетель (30 лет): «Среди охранников были молодые люди, на мой взгляд, моложе 18 лет, избивавшие с особым рвением».
- Свидетель (29 лет): «При мне человека били дубинками по голове, потом по полу поволокли в клетку... Также я видел, как избивали пожилого немца лет 60-65 в бежевой куртке. Сначала его избили, потом приковали наручниками к клетке. Полицейские выносили избитых людей из ангара на улицу».
- Свидетель (18 лет): «Избивали всех, даже девушек. Били по ногам тех, кто стоял, избивали лежащих. На одного вылили пену из баллончика; она жгла ему лицо, он кричал... Одного парня избили так, что у него закатились глаза. Потом его вынесли».
- Свидетель (47 лет): «Особенно отличались двое бритоголовых... и один в очках, которым колотить людей явно доставляло удовольствие. Остальные колотили нас изредка... Когда охранники набрасывались на кого-либо и очень сильно били, но мы все начинали кричать, чтобы они остановились. Тогда они начинали избивать нас... Один из парней предложил встать с корточек, выразить тем самым протест. Большинство, кто был способен, встали. Охранники стали колотить всех налево и направо. Влетело еще человек 20 полицейских. Протестующих повалили на пол или дубинками заставили снова сесть... После пересмены пришли трое в черном. Эти были особенно жестоки, били металлическими дубинами и мощными сапогами».

8.3 Доступность воды, возможность сходить в туалет

Некоторые свидетели указывают, что задержанным не давали воды. Некоторых водили в туалет. Однако есть также свидетельства, что многим находившимся там лицам в этом было отказано.

- Свидетель (32 года): «В течение всего времени пребывания в заключении мне не было предложено выпить воды. В туалет пускали не всех, причем особо настойчивых и разговорчивых били».
- Свидетель (32 года): «Я попросился в туалет, а полицейский наотмашь ударил меня».
- Свидетель (47 лет): «Многие хотели пить, но ни разу некому пить не дали. В туалет тоже не водили».
- Свидетель (43 года): «В туалет меня вывели только после 4 часов утра, когда я в пятый раз попросил об этом полицейских».
- Свидетель (27 лет): «На просьбы задержанных отвести в туалет никто не реагировал».

8.4 Доступность медицинской помощи

Согласно свидетельствам медицинская помощь была доступна, хотя и оказывалась в специфических условиях. Следует отметить, что среди свидетелей лиц с медицинским образованием нет.

- Свидетель (23 года): «Примерно в 22.30 полицейские стали обстреливать толпу митингующих. Пули попадали не только в митингующих. Одна из них попала мне в правую руку, от боли я отвернулся. После чего сразу получил дубинкой сзади по голове. В результате этого удара у меня рассечена голова. Потом меня ударили по колену. Я упал, меня связали и просто закинули в машину на других задержанных. Я просил оказать мне меди-

цинскую помощь, но мои просьбы игнорировали. Меня привезли в Д-терминал порта, где я начал терять сознание. Только после этого мне просто перевязали голову. Позже мне стало гораздо хуже. Молодой человек, который был рядом со мной, позвал помощь. Медсестра осмотрела меня и сказала, что надо в больницу. Меня подняли двое полицейских, но я упал от бессилия. Меня не стали поднимать, а просто так потащили до машины скорой помощи».

Свидетельница (50 лет): «Я в автобусе уже почувствовала, что с рукой что-то не в порядке. Просила врача. Через некоторое время врач подошел, посмотрел и ушел».

Свидетель (18 лет): «У одного человека начался [припадок], его стали избивать. Я стал звать врача, тогда начали избивать меня».

Свидетель (47 лет): «Было много людей с серьезными травмами: перелом носа (даже не дали умыться и наклеили какой-то детский пластырь), перелом пальцев кисти, большая рана на ноге. Врачи были, но особой помощи не оказывали... Не знаю, за что его били [полицейские], но били очень жестоко... Минут через десять заметив, что он не двигается, я попросил полицейского вызвать врача... Врач, осмотрев его, отошел с улыбкой, дав понять, что все в порядке. Но когда нас в четвертом часу отпустили, он все также не двигался».

9. Задержания 26-28 апреля 2007 года: проблема информирования родственников

Многие свидетели из числа подвергшихся задержанию жалуются, что им не позволили проинформировать родственников о задержании. Не было этого сделано и сотрудниками правоохранительных органов.

Свидетель (32 года): «Никто мне не объяснил причину моего задержания, не предъявил никаких обвинений, не объяснил мне мои права и не дал сделать ни одного телефонного звонка».

Свидетель (43 года): «Мне не разрешили позвонить родным, чтобы предупредить об аресте... [В Д-терминале] на мои просьбы позвонить по телефону родственникам меня подвергали избиениям».

Свидетель (32 года): «В начале [в Д-терминале] еще можно было двигаться, и я подошел к столу, где сидели женщины-полицейские, чтобы попросить связаться с моей женой. На меня стали кричать. Подошли люди в черной спецодежде, в масках и стали кричать и всех подряд избивать дубинками».

Свидетельница (18 лет): «Меня отвезли в арестантский дом в Мустамяэ. Мне не разрешили связаться с матерью и забрали телефон». *(Имеется в виду: арестный дом на Рахумяэ).*

Свидетель (32 года): «Мне не разрешили позвонить родным, чтобы предупредить их о моем аресте».

Свидетель (14 лет): «Примерно через три часа сидения полицейский спросил меня, сколько мне лет и привел в комнату, где женщина взяла мои данные. С меня сняли наручники, и я стоял еще два часа. Потом спросил полицейского, звонили ли моей маме. Меня

снова отвели в эту комнату и при мне позвонили маме. Мама работала в ночную смену... и не могла забрать меня. Меня посадили в машину и отвезли домой. Это было в 4 часа утра».

Свидетель (33 года): На следующее утро «я попросил сделать звонок моей жене. Мне это пообещали, но моей жене так и не позвонили».

Свидетель (21 год): «За все время нахождения в заключении (20 часов) мне не было разрешено сделать телефонный звонок».

Свидетельница (54 года): «Лишь через три дня, 29 апреля, после неоднократных обращений в полицию я узнала об аресте сына».

Свидетельница (67 лет): «26 апреля в 18:35 мой сын поехал из Тапа в Таллин... В 23:00 я позвонила ему по телефону, но он был отключен... Так я позвонила в арестантский дом и узнала, что мой сын был арестован и 28 апреля отправлен в Тартускую тюрьму. Об этом я узнала только 30 апреля. Ни одно государственное учреждение не сообщило мне о задержании сына».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

По прошествии трех месяцев после апрельских событий министр обороны Эстонии Я. Аавиксоо наградил директора отдела по обеспечению правопорядка Пыхьяской префектуры полиции Т. Мийлитса и старшего комиссара Кесклиннаского отдела Пыхьяской префектуры полиции А. Трусся золотыми нагрудными знаками в благодарность за работу, сделанную «в ходе выполнения Закона об охране воинских захоронений». В ответном слове Т. Мийлитс отметил, что больше всего ему запомнилась поддержка простых граждан: «Бабушка принесла блины с вареньем к штабу, девушкам-полицейским приносили розы охапками, а по утрам работники кафе спрашивали, не голодные ли мы» (*Delfi, 10 августа 2007 г.*).

Центру информации по правам человека досталась лишь малая толика от проявленной в то время благотворительности, но именно благодаря поддержке обычных жителей Эстонии и Латвии мы смогли, насколько это было в наших силах и возможностях, оказать правовую и психологическую помощь людям, пострадавшим в ходе апрельских событий. К сожалению, по многим соображениям мы не можем привести здесь список тех, благодаря пожертвованиям которых более 50 человек, обратившихся в наш Центр, смогли получить от нас помощь, попытались защитить свои права и достоинство. Не можем мы назвать и имена наших добровольных помощников – тех, кто помогали нам проводить консультации по «горячей линии», составлять и переводить письма, запросы, отчеты и доклады, и, наконец, подготовить настоящую публикацию. Всем им – наша искренняя благодарность и поклон!

Мы благодарны журналистам и сотрудникам печатных и электронных СМИ, которые публиковали наши сообщения и интервью с нашими сотрудниками, приглашали нас участвовать в передачах.

Мы благодарны международным правозащитным организациям, которые выразили озабоченность в связи с ситуацией в нашей стране, сделали соответствующие заявления и предприняли определенные шаги.

Поведение представителей властной элиты Эстонии показывает, что политической ответственности за свои действия до и во время апрельского кризиса они на себя брать не хотят и не могут. Однако нас больше волнует, что не решен вопрос о правильности действий многих сотрудников правоохранительных органов – он будет оставаться открытым, пока компетентные структуры не проведут, наконец, *всестороннего* и *независимого от властей* расследования. Мы надеемся, что данная публикация будет способствовать развитию ситуации в данном направлении.

Центр информации по правам человека

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Ниже приведены примеры жалоб и типовой ответ с отказом в возбуждении уголовного производства.

1. Заявление Алексея Раттика в полицию (неотредактированный текст; предоставлен Центру информации по правам человека «к сведению»)

27 апреля я шел домой со стороны «Каубамайя» в Мустамяэ. В центре города движение общественного транспорта было перекрыто. Время было где-то 22:35-22:45. Полицейские, которые стояли около площади Свободы, не воспрепятствовали мне при прохождении и никак не сказали, что нельзя входить в эту черту города. Дорога в сторону Тынисмяги была перекрыта толпой народа и полицией, и я решил пройти через Вышгород, мимо собора Александра Невского, на остановку «Койду», где останавливается троллейбус № 3. Когда я поднимался по ступенькам вверх, то толпа с площади Свободы побежала в центр Старого города. За ней бежала полиция и стреляла в убежавших.

Когда я увидел, что и со стороны собора Александра Невского бежит разъяренная полиция с дубинками в руках и избивает всех, кто стоит или бежит, то я встал на колени в стороне от дороги на траву и положил руки на голову. Ко мне подбежал полицейский с дубинкой (у него не было таблички с именем) и хотел заставить меня встать. Угрожая мне полицейской дубинкой, он кричал, чтобы я встал и вышел на дорогу. Видя, что все, кто вставал и шел на дорогу, вначале были расстреляны спецотрядом (он шел в сторону собора Александра Невского со стороны площади Свободы, стреляя из оружия резиновыми пулями), а потом избиты полицейскими при помощи дубинок, я сказал, что уже стою на коленях, руки за голову и никого не трогаю. После этого полиция положила меня лицом на землю и надела на руки сзади временные наручники. Время было примерно 22:50.

Потом меня подняли, отвели на дорогу и положили лицом вниз на каменную дорогу. Никто из полицейских ничего не объяснял, за что я был задержан. Те, кто спрашивал у полиции что-то, получали от полиции удары дубинками по телу. Поэтому я решил, что лучше молчать (полиция кричала всем «Vait!» – «Молчать!»). То, что ноги должны быть на ширине плеч, мне тоже не сказали, а просто ударили по ногам, раздвинув их при помощи ударов.

Примерно в 23:05 меня поднял полицейский (говорил по-эстонски). Он сильно схватил меня за временные наручники и дернул так, что мои плечи хрустнули в районе плеч. Со всеми остальными задержанными меня посадили в автобус и отвезли в бараки около терминала Д в порту.

В бараках меня посадили на землю. При мне избивали граждан Эстонии и граждан других стран. Люди, которые обращались с вопросами к полиции, вместо ответов получали удары дубинками. Где-то в 23.30 прислали граждан Эстонии в полицейской форме и с полицейскими дубинками в руках. Они начали избивать задержанных самым жестоким методом за любую провинность и за то, что задержанные люди задавали вопросы. При мне избивали граждан Германии (отца и сына), когда те хотели объяснить полицейским, что хотят в туалет, что не понимают по-эстонски, что произошла какая-то ошибка.

В туалет я попал после того, как прошло примерно три часа с момента, когда я попросился в туалет. Один из граждан Эстонии (говорил по-эстонски) в полицейской форме (я могу его опознать – он избивал с особой жестокостью задержанных) подошел ко мне и затянул временные наручники так, что мои руки начали неметь и вены вздулись. Так как я переместил руки с временными наручниками вперед из-за спины, то видел, как руки побелели. После этого я попросил другого полицейского расслабить наручники (временные) и надеть новые. Увидев мои руки, он быстро снял эти и надел новые временные наручники более ослаблено. Гражданин Эстонии в полицейской форме, который затянул мне сильно наручники, признался мне в ходе короткого диалога, что он фашист. Он сказал: «Да, я фашист».

Отпустили меня где-то в 3:00-3:15 ночи 28 апреля, записав мои данные. Но и тогда, когда меня отпускали, на вопрос «За что меня задержали?» я не получил никакого ответа.

[Подпись]

4 мая 2007 года

Примечание: заявление принято Пыхьяской префектурой полиции 4 мая 2007 года.

2. Сообщение об отказе в возбуждении уголовного производства №0723000008 (неофициальный перевод с эстонского языка)

Г-ну Алексею Раттику

Таллин, 10 мая 2007 года

Настоящим сообщаем, что на основании материалов, которые в Пыхьяской префектуре полиции в инфосистеме POLIS зарегистрированы под номером 2300,07,0,0000265, не нашло подтверждения, что в отношении заявителя 27 апреля 2007 года со стороны полицейских было незаконное применение силы. Заявитель не представил справку о наличии телесных повреждений (за исключением следа от стяжки наручниками).

С учетом имевших в Эстонской Республике 27 апреля 2007 года событий, полиция должна была реагировать на нарушения порядка, чтобы обеспечить внутреннюю безопасность государства и общественный порядок.

Также необходимо учитывать время, место и ситуацию произошедшего в ходе этих событий. Поскольку речь шла о больших массах народа и о необходимости обеспечения общего порядка в период волнений, у полиции было право действовать согласно пунктам 6 и 8 части 6 статьи 14 Закона о полиции, согласно которым при задержании нарушителя порядка и при их доставке в полицию у полиции есть право использовать физическую силу и спецсредства (например, наручники) для обеспечения собственной безопасности или если есть основания считать, что задержанные правонарушители могут причинить вред другим лицам, окружающим и самим себе.

На основании вышеизложенного и руководствуясь статьей 194 и пунктом 1 части 1 статьи 199 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) уголовное производство не начинать в виду отсутствия оснований.

В случае несогласия с принятым решением у Вас есть право согласно частям 1 и 3 статьи 207 УПК подать жалобу на решение об отказе в возбуждении в окружную прокуратуру в течение 10 дней с момента получения данного извещения. Согласно части 2 статьи 198 УПК об отказе в возбуждении уголовного производства сообщается лицу, в отношении которого представляется жалоба о преступлении.

3. Жалоба на постановление Государственной прокуратуры от 08.06.2007 г. (первоначальная версия; неофициальный перевод с эстонского языка)

Таллинский окружной суд
Жалобщик:
Геннадий Михайдаров

1) Обстоятельства преступления

Около 22 часов 27 апреля 2007 г. с тротуара бульвара Каарли Геннадий Михайдаров стал случайным свидетелем проходившего поблизости митинга. Массовых беспорядков, погромов и разрушений там не наблюдалось, сопротивления участников митинга полицейским не оказывалось. При этом Михайдаров не участвовал в митинге, находился в стороне от митингующих рядом с операторами телевидения, которые снимали происходящее.

Михайдаров хотел уйти, но в этот момент полиция начала обстреливать митингующих и прохожих, которые не участвовали в митинге, из оружия, стреляющего резиновыми пулями. Две резиновые пули попали г-ну Михайдарову в руку и бедро, причинив телесные повреждения. Затем на него напал полицейский, у которого в руках был щит. Полицейский нанес ему удар резиновой палкой по голове и колену, причинив вред здоровью, опасный для жизни. От полученных телесных повреждений Михайдаров упал на землю.

В таком физическом состоянии Михайдаров не мог оказывать какого-либо сопротивления, однако сотрудники полиции незаконно связали подателю жалобы руки за спиной, используя непредназначенную для этих целей строительную ленту, причиняя тем самым подателю жалобы дополнительные страдания. После этого полицейские бросили Михайдарова в автомашину на тела других задержанных. Он просил оказать медицинскую помощь, так сильно слабел и терял сознание от потери крови. Однако на его просьбы об оказании медицинской помощи полицейские чиновники никак не реагировали.

Михайдарова доставили в Д-терминал, и только там ему оказали медицинскую помощь: сделали перевязку головы и остановили кровотечение. В Д-терминале полицейские заставляли всех задержанных, включая подателя жалобы, постоянно сидеть на корточках; своими криками полицейские оскорбляли человеческое достоинство Михайдарова. От потери крови он начал терять сознание, поэтому задержанный, который был рядом с ним, вызвал медицинскую сестру, а последняя вызвала скорую медицинскую помощь. Податель жалобы не мог сам дойти до машины скорой медицинской помощи из-за своего состояния. Тогда полицейские волоком дотащили его до автомашины, что также следует расценивать как унижающее человеческое достоинство обращение.

2) Квалификация преступления

Чиновник полиции, нарушив требования ч. 7 ст. 14 Закона о полиции, совершил незаконное применение резиновой дубинки по голове, причинив вред здоровью, опасный для жизни, то есть преступление, предусмотренное п.1 ст.118 Уголовного кодекса (УК).

Кроме того, чиновники полиции незаконно в нарушение требований Закона о полиции о применении огнестрельного оружия (ст. 15) использовали огнестрельное оружие, стреляющее резиновыми пулями, и причинили вред здоровью, то есть совершили преступление, предусмотренное ст. 121 УК.

Помимо этого, чиновники полиции совершили истязание, применив вызывающую сильную боль физическое насилие, скрутив за спиной руки у нуждающегося в срочной ме-

дицинской помощи Михайдарова строительной лентой, то есть совершили преступление, предусмотренное ст.122 УК.

При задержании подателя жалобы не был составлен протокол задержания. Против него также не было заведено соответствующее уголовное дело. Из чего следует, что лишение свободы подателя жалобы было осуществлено без законного основания, то есть в отношении него было совершено преступление, предусмотренное ч. 1 ст.136 УК.

Кроме того, чиновники полиции превысили власть, и, нарушая основные принципы деятельности полиции, предусмотренные ст. 4 Закона о полиции, незаконно применили при исполнении служебных обязанностей оружие, специальные средства и насилие, то есть совершили преступление, предусмотренное ст. 291 УК.

Помимо этого, чиновники полиции с использованием служебного положения незаконно обращались с подателем жалобы, унижая его человеческое достоинство и ограничивая его в правах, то есть совершили преступление, предусмотренное ст. 324 УК.

3) Доказательства

Доказательства, на которых основывается подозрение в совершении преступлений, являются:

1. видеозапись задержания лица, подающего жалобу;
2. копия медицинских документов, свидетельствующих о причинении здоровью вреда, опасного для жизни.

4) Краткое описание производства

14 мая 2007 г. податель жалобы обратился к Канцлеру права.

21 мая 2007 г. окружной прокурор Лезлет Кививоя отказалась возбуждать уголовное дело.

28 мая 2007 г. податель жалобы представил жалобу в Государственную прокуратуру на отказ Пыхьяской окружной прокуратуры возбуждать уголовное дело.

8 июня 2007 г. государственный прокурор Анна Касесалу отказала в возбуждении уголовного дела.

Аргументация государственного прокурора Анны Касесалу в ее постановлении вместо анализа конкретной ситуации жалобщика базируется на противоречащих друг другу предположениях абстрактного характера. С одной стороны, она указывает, что жалобщик мог пострадать от рук «сообщников». С другой стороны, утверждает, что его поведение не было законопослушным и что «он не подчинился законному распоряжению чиновников полиции покинуть место несанкционированного массового собрания и чиновники полиции были вынуждены принять меры по обеспечению общественного порядка».

Если у госпрокурора есть данные, что жалобщик пострадал от рук третьих лиц, то уголовное разбирательство следует начинать в их отношении. Но из постановления об отказе в возбуждении уголовного дела следует, что свои предположения госпожа Касесалу строит через отсылку к неким телепередачам. При этом не поясняется, что это были за телепередачи, велись ли они с места интересующего нас происшествия, фигурировал ли в данных телепередачах жалобщик и т. п. Что касается второго предположения о противоправном характере поведения жалобщика и действиях полиции как реакции на него, то здесь государственный прокурор грубо нарушает принцип презумпции невиновности. В отношении подателя жалобы не было заведено уголовного производства и ему не были предъявлены какие-либо дру-

гие претензии. Тем не менее прокурор Касесалу априори считает подателя жалобы правонарушителем. Более того, на этом основании не считает нужным провести предусмотренное эстонским законодательством следствие в отношении противозаконных действий полиции.

Податель жалобы не является правонарушителем и в отношении него не было представлено ни одного документа, свидетельствующего об обратном. Также следует подчеркнуть, что в соответствии с ч. 7 ст. 14 Закона о полиции полиция применяет специальные средства, холодное и газовое оружие в отношении правонарушителей с учетом характера правонарушения, личности правонарушителя и конкретных обстоятельств. В случае применения специальных средств, холодного и газового оружия следует избегать причинения здоровью человека большего вреда, чем это необходимо в конкретной ситуации. Применение силы в отношении подателя жалобы было абсолютно необоснованно, поскольку он не участвовал ни в каких насильственных действиях и от него не исходила угроза. У работников полиции не было ни малейшего основания для его задержания, также как и для того, чтобы бить его дубинкой по голове и надевать наручники. Считаю, что Пыхьяская и Государственная прокуратуры не учли вышеприведённые аргументы.

На поверхностность анализа заявления жалобщика со стороны госпрокурора указывает и тот факт, что прокурор неуместно ссылается на определение Государственного суда от 06.06.2005 г. в деле № 3-1-1-56-05. В определении речь шла о том, что жалоба на отказ Государственной прокуратуры возбудить уголовное производство может быть подана в Окружной суд только через адвоката. К настоящему делу это не имеет никакого отношения. Подобную норму закона жалобщик никогда не оспаривал.

Государственная прокуратура, нарушая принципы уголовно-процессуального производства об обязательности уголовного производства и законности, предусмотренные ст. 6 и ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса (УПК), незаконно вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного производства, чем причинила ущерб конституционным правам и свободам Михайдарова и затруднила его доступ к правосудию, предусмотренный частью 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите основных прав и свобод.

5) Необоснованно не проведённые процессуальные действия

Процессуальными действиями, которые не были выполнены без всяких на то оснований, являются:

1. Допрос подателя жалобы;
2. Приобщение и осмотр видеозаписи, которая проводилась при проведении полицейской операции;
3. Приобщение и осмотр видеозаписи веб-камеры, расположенной на месте задержания Михайдарова;
4. Приобщение и осмотр видеозаписей операторов телевидения, которые проводили видеозапись этих событий;
5. Затребование из префектуры полиции и приобщение материалов по задержанию;
6. Допрос медицинского работника в Д-терминале;
7. Допросы медицинских работников «скорой помощи», госпитализировавших Михайдарова;
8. Допрос лечащего врача;
9. Назначение судебно-медицинской экспертизы;
10. Установление и допросы свидетелей задержания и содержания в заключении.

На основании вышеизложенного, считаю, что действия Окружной и Государственной прокуратуры в данном случае направлены на лишение подателя жалобы доступа к правосудию. В отношении жалобщика нарушены ст. 5 и ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Также отказ в расследовании деяний, запрещенных ст. 3 этой же конвенции, может расцениваться как неспособность государства гарантировать жалобщнику право не подвергаться пыткам, а также бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению.

На основании того, что в заявлении Геннадия Михайдарова имеются признаки преступлений, предусмотренные п.1 ст.118, ст.121, ст.122, ст. 291, ст.136 и ст.324 УК, а также на основании ст.13 Конституции Эстонской Республики, и руководствуясь ч. 1 и ч. 2 ст. 208 УПК, ходатайствую отменить постановление Государственной прокуратуры об отказе в возбуждении производства по уголовному делу и обязать Государственную прокуратуру возбудить уголовное производство.

Приложения:

1. диск с видеоматериалом задержания;
2. копия медицинских документов на 2-х листах;
3. постановление окружного прокурора Лезлет Кививоа от 21.05.2007 г.;
4. постановление государственного прокурора Анны Касесалу от 08.06.2007 г.;
5. заявление лица, подающего жалобу, на 2-х листах

[Подпись представителя жалобщика]

9 июля 2007 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Заявления международных правозащитных организаций об апрельских событиях в Эстонии

Неофициальные переводы на русский язык

1. Международная хельсинкская федерация по правам человека
(International Helsinki Federation for Human Rights – IHF)

Эстонские власти должны расследовать утверждения о жестокости полиции во время беспорядков, связанных с военным мемориалом

Вена, 30 апреля 2007 г.

Международная хельсинкская федерация по правам человека (IHF) призывает эстонские власти тщательно и беспристрастно расследовать заявления о жестокости полиции в ходе недавних беспорядков в стране и гарантировать, чтобы впредь проблема беспорядков решалась бы в строгом соответствии с международными стандартами.

Насильственные протесты разразились в Таллине 26 апреля в связи с решением эстонского правительства переместить советский военный мемориал, находившийся в центре столицы. Беспорядки продолжались две ночи, когда в основном русскоязычная молодежь была вовлечена в столкновения с полицией, грабежи магазинов и акты вандализма. Полиция реагировала, например, используя слезоточивый газ, световые бомбы и водяные пушки. Она арестовала около тысячи человек. Один человек был зарезан и десятки получили ранения в ходе беспорядков. В ночь на 29 апреля протесты распространились на преимущественно русскоязычные города Северо-Востока Эстонии.

Согласно информации, переданной в СМИ, а также данным, полученным IHF, в некоторых случаях полиция непропорционально использовала силу против участников беспорядков. Сообщается, что некоторых протестующих били дубинками, а после задержания их избивали и с ними плохо обращались в местах временного содержания, организованных в терминале Таллинского порта. Некоторые случаи явной жестокости полиции были документированы в телевизионном эфире и в записях мобильных телефонов.

Обязанностью правоохранительных органов является поддержание общественного порядка и гарантия безопасности граждан, при этом они также должны соблюдать международные стандарты, которые требуют использовать силу только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей (1). Они могут использовать силу только в тех случаях, когда другие средства являются неэффективными или не дают каких-либо надежд на достижение намеченного результата (2). Жестокое, бесчеловечное и унижающее человеческое достоинство обращение запрещено международным правом при любых обстоятельствах (3).

Беспорядки в Таллине и других городах Эстонии позволили высветить остающиеся проблемы, касающиеся интеграции русскоязычного меньшинства, которое составляет примерно треть из 1,4-миллионного населения страны. Несмотря на важные законодательные реформы в первые годы независимости, это меньшинство по-прежнему официально в качестве языкового меньшинства не признано и продолжает испытывать дискриминацию

и исключение из повседневной жизни, что вызывает у его представителей чувство глубокого разочарования и возмущения. У многих русскоязычных по-прежнему отсутствует гражданство Эстонии, происходит постепенное сокращение преподавания на русском языке, а строгие языковые требования ограничивают доступ русскоязычных на рынок труда.

Дополнительная информация:

Aaron Rhodes,
INF Executive Director, +43-676-63566 12
Henriette Schroeder,
INF Press Officer, +43-676-72548 29

Примечания: (1) Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый Генеральной Ассамблеей ООН в 1979 году, статья 3 (<http://www.ohchr.org/english/law/codeofconduct.htm>); (2) Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка (ООН, 1990), статья 4 (<http://www.ohchr.org/english/law/firearms.htm>); (3) Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 7; Европейская конвенция о правах человека, статья 3.

Английский оригинал заявления: <http://www.ihf-hr.org>

Международная хельсинкская федерация по правам человека (ИHF) является международной неправительственной организацией, созданной национальными хельсинкскими комитетами и организациями-партнерами из стран-участниц ОБСЕ (в настоящий момент 46 организаций-членов). Задачей ИHF является защита и укрепление позиций групп гражданского общества, которые осуществляют независимый мониторинг прав человека, и их объединение на общей международной платформе.

2. Европейская сеть организаций против расизма
(European Network Against Racism – ENAR)

ENAR призывает правительство Эстонии учитывать влияние недавних событий на отношения между общинами

Брюссель, 4 мая 2007 г.

На прошлой неделе после решения эстонского правительства перенести советский военный памятник в Таллине (Эстония) имели место демонстрации, которые в конце недели вылились в связанные с насилием уличные протесты в некоторых городах.

ENAR выражает большое беспокойство, что изначально мирные демонстрации переросли в массовые беспорядки, и подчеркивает, что акты вандализма ничем не могут быть оправданы. ENAR также выражает поддержку Центру информации по правам человека, главе национального координационного центра ENAR в Эстонии, в их призыве прекратить эскалацию насилия и разжигание межнациональной розни. Они также призывают эстонское правительство избегать действий, которые представители меньшинств могут расценить как провокацию, унижающую человеческое достоинство, а также предот-

вращать и наказывать случаи национально мотивированной агрессии со стороны сотрудников полиции.

Данная ситуация высвечивает отсутствие диалога между большинством и русским меньшинством в Эстонии. Важно, чтобы в демократическом обществе терпимо относились к различным мнениям, в том числе и в контексте отношений большинства и меньшинства. Эстонское правительство должно принять во внимание разные аспекты влияния этих событий на отношения между общинами и ответить на кризис способом, который будет поощрять диалог и равное обращение.

ENAR призывает Эстонию инициировать национальный план по борьбе с расизмом в целях создания общества, где лучшим образом гарантированы равные возможности для всех жителей. Разносторонняя и долговременная стратегия по борьбе с расизмом позволит правительству систематически работать ради достижения равенства для всех, а также развивать международное сотрудничество с иностранными государствами.

Европейская сеть организаций против расизма (ENAR) является сетью европейских НПО, которые борются с расизмом во всех странах Евросоюза. ENAR представляет более 600 НПО по всему Евросоюзу. Создание ENAR стало главным итогом Европейского года против расизма (1997). Целью ENAR является борьба с расизмом, ксенофобией, антисемитизмом и исламофобией, содействие равному обращению граждан Евросоюза и третьих стран, а также увязывание местных/региональных/национальных инициатив с общеевропейскими инициативами.

Дополнительная информация:

Georgina Siklossy, Communication and Press Officer
43 rue de la Charité
B-1210 Bruxelles
Phone: 32-2-229.35.70 – Fax: 32-2-229.35.75
E-mail: georgina@enar-eu.org

Английский оригинал заявления: <http://www.enar-eu.org>

**3. Международная федерация по правам человека
(International Federation for Human Rights – FIDH)**

**Эстония должна расследовать нарушения прав человека,
совершенные во время беспорядков в Таллине**

9 мая 2007 г.

Международная федерация по правам человека (FIDH) и ее членская организация из Латвии – Латвийский комитет по правам человека (LCHR) – выражают озабоченность в связи с нарушениями прав человека, которые были совершены как демонстрантами, так и полицией во время беспорядков в Эстонии, в ходе которых погиб один человек и более 150 были ранены.

26 апреля в Таллине (Эстония) имели место столкновения между демонстрантами (в основном представителями русскоязычного меньшинства) и полицией, которая ис-

пользовала слезоточивый газ, световые бомбы, водяные пушки и т.п. Демонстранты протестовали против неоднозначно воспринимаемого перемещения мемориала Советской Армии, касающегося Второй мировой войны. После переноса монумента на окраинное военное кладбище 26-27 апреля город Таллин накрыла волна вандализма.

По сообщению свидетелей, в некоторых случаях полиция непропорционально использовала силу не только против участников беспорядков, но также мирных демонстрантов и даже прохожих. Сообщается, что некоторых людей били дубинками, после ареста их избивали и с ними плохо обращались в местах временного содержания, организованных в терминале Таллинского порта.

27 апреля Полиция безопасности арестовала нескольких лидеров «Ночного дозора» (организации, которая мирными способами противостояла переносу монумента). Был арестован и 18-летний активист антирасистского движения Марк Сирык, который из-за болезни и подготовки к школьному экзамену не участвовал даже в мирной демонстрации 26 апреля. После этого посольство Эстонии в Москве было осаждено российскими демонстрантами и дипломатические отношения между двумя странами переживают глубокий кризис.

FIDH и LHRC порицают акты вандализма, совершенные демонстрантами в Таллине, а также блокаду посольства Эстонии в Москве.

FIDH и LHRC призывают эстонские власти беспристрастно расследовать все случаи нарушения прав человека, имевшие место во время беспорядков, а также случаи жестокости полиции, излишнего применения силы, жестокого, бесчеловечного и унижающего человеческого достоинства обращения. FIDH и LHRC напоминают, что необходимо полностью обеспечивать право на справедливый суд. Они также призывают эстонские власти положить конец любой дискриминации русскоязычного меньшинства, составляющего примерно 30% населения Эстонии, и при любых обстоятельствах соблюдать положения Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. В целом, FIDH и LHRC призывают власти Эстонии и России избегать каких-либо действий, которые могут перерасти в насилие.

Дополнительная информация:

FIDH

17, passage de la main d'or

75011 Paris

France

+ 331435518 80

Английский оригинал заявления: <http://www.fidh.org>

Международная федерация по правам человека (FIDH) объединяет 155 правозащитных организаций по всему миру (включая 40 европейских организаций). Деятельность FIDH направлена на предотвращение случаев нарушения прав человека, помощь жертвам такого обращения и наказание лиц, виновных в таких нарушениях.

Центр информации по правам человека

Центр информации по правам человека был основан 2 мая 1994 г. при содействии неправительственных организаций Дании и Эстонии. Активную деятельность он начал в январе 1995 г.

Центр является независимым неправительственным не доходным объединением, деятельность которого осуществляется по конкретным проектам.

Центр выделяет четыре приоритетные сферы своей деятельности:

1. Предотвращение конфликтов: выявление причин возможных конфликтов через анализ и распространение информации, повышение уровня знаний о правах человека;
2. Содействие формированию общества, основанного на стандартах прав человека;
3. Анализ эстонского законодательства в области прав человека на соответствие его международному праву;
4. Оказание правовой помощи лицам, чьи права не гарантируются должным образом или нарушаются. Для этого юристы Центра ведут индивидуальный прием или отвечают на запросы через Интернет.

Дополнительная информация: <http://www.lichr.ee>
